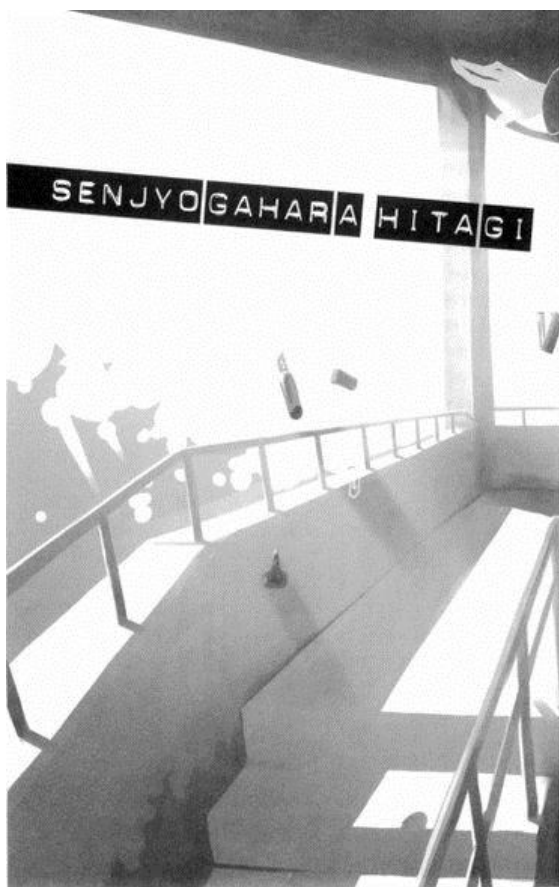

Bakemonogatari Vol. 1

Краб Хитаги

В классе Сендзёгахара Хитаги создавала впечатление так называемой «болезненной» девушки: как само собой пропускала уроки физкультуры и даже на общешкольных и утренних линейках сидела в одиночестве в тени, ссылаясь на «анемию». Мы с Сендзёгахарой уже третий год учимся в одном и том же классе старшей школы, и за всё это время я ни разу не видел, чтобы она активно двигалась. Она частый гость школьного медкабинета, и, из-за неоднократных походов в больницу, либо опаздывает, либо уходит раньше, либо вовсе не появляется. «Да она в больнице что ли живёт?» — перешёптывались шутники.

Хоть я и сказал болезненная, это нисколько её не портило. Подобная молодой иве, в ней чувствовалось такое изящество, что кажется, она рассыплется от одного лишь прикосновения. Она ощущалась ужасно эфемерной, и, наверное, поэтому некоторые парни полушутя называют её принцессой. Не лишено доли истины. Конечно, и мне атмосфера этого слова казалась очень ей подходящей.

Сендзёгахара всегда читает в одиночестве в углу классной комнаты. Иногда это книги в твёрдых переплётах, выглядящие довольно серьёзными, а иногда манга с такой обложкой, что кажется от чтения такого точно понизится IQ. Наверное, читает всё подряд. Должно быть, ей неважно написанное, или нет, наверняка у неё какой-то свой чёткий выбор в чтении.

И естественно, она отличница.

В таблице рейтинга, которые вывешивают после тестов, среди первых десяти человек всегда стоит имя Сендзёгахары Хитаги. И так со всеми, без исключения, предметами. Было бы дерзко сравнивать меня с моими провальными оценками по всем предметам, кроме математики, с ней, но всё же наверняка у нас сама структура мозга в корне различна.

У неё нет друзей. Ни одного, совсем.

Я ещё не видал, чтобы Сендзёгахара с кем-нибудь говорила. Если приглядеться, то можно подумать, что она, вечно читая книги, этим самым действием чтения книг и полным равнодушием к окружающим возвела вокруг себя стену. Именно поэтому я, просидев рядом с Сендзёгахарой уже больше двух лет, могу смело утверждать, что за всё это время она не сказала мне ни единого слова. Кстати. Говоря о её словах, на уроках она вечно выводит учителей, равно как и меня, высказывая на все вопросы лишь деликатное, словно от автоответчика, «не знаю» (не думаю, что она действительно не знает ответа, но тем не менее отвечает «не знаю»). Как правило, в замысловатом пространстве, именуемом школой, люди без друзей формируют особые сообщества (или колонии) с другими человеческими существами без друзей (на самом деле, я был таким же до прошлого года), но, похоже, Сендзёгахара — исключение из правила. Но, конечно же, издёвкам она не подвергалась. Ни в скрытом виде, ни в явном я не видел каких-либо преследований или чураний Сендзёгахары. В любое время она сидит в углу и читает с совершенно обычным выражением лица. Вокруг неё непробиваемая стена.

Она как бы есть.

Но как бы её и нет.

Ну, всё равно это не так уж важно. Если подсчитать за три года учёбы в старшей школе, то на первом году будет человек двести, а пока ученик дойдёт до третьего, с сэмпаями, кохаями, одноклассниками и до учителей включительно, наберётся примерно тысяча человек, живущих с ним бок о бок. Но сколько из них действительно значимы? Если задуматься, то у любого выйдет довольно удручающий ответ.

Даже если судьба всё же извернётся, и ты, например, все три года проведёшь с кем-то в одном и том же классе, то, наверное, не стал бы чувствовать себя одиноко, не обменявшись с ним ни единым словом. В конце концов подобное оборачивается лишь воспоминаниями. Через год после выпуска из старшей школы, хоть будущее мне и не ведомо, я уже в любом случае не буду вспоминать лицо Сендзёгахары. Да и не смогу вспомнить.

И это нормально. Уверен, Сендзёгахара думает так же. И не только она, наверняка, для всех в школе это в порядке вещей. Питать к подобному мрачные мысли в корне неправильно.

Так я думал.

Однако.

Однажды кое-что произошло.

Если углубляться в детали, то тогда окончилась забава весенних каникул, обратившихся моим адом, я перешёл в третий класс, и только рассеялась фантазия Золотой недели, ставшей моим ночным кошмаром, — календарь показывал восьмое мая.

Чувствуя, что как обычно опаздываю, я вбежал по школьной лестнице, когда с неба прямо на лестничную площадку падала девушка.

Сендзёгахара Хитаги.

Вернее, она падала не собственно с неба. Должно быть, оступилась на лестнице и полетела спиной вниз... и хотя я, скорее всего, мог бы избежать этой ситуации, но вместо этого тут же бросился её ловить.

Наверное, это было правильное решение.

Нет, скорее, это было ужасной ошибкой.

Потому что.

Тело Сендзёгахары Хитаги, которое я поймал, оказалось очень, просто невероятно лёгким. Действительно, поразительно, жутко лёгким.

Словно его и вовсе нет.

Да.

Можно с уверенностью сказать, что у Сендзёгахары нет того, что обычно именуют весом.

— Сендзёгахара-сан? — Ханэкава удивилась моему вопросу. — Что Сендзёгахара-сан?

— Ну такое, знаешь... — уклончиво ответил я. — Просто заприметил кое-что.

— Хм-м.

— Знаешь, что интересно, Сендзёгахара Хитаги ведь довольно необычное имя?

— Сендзёгахара, фамилия как топоним¹?

— Э, ну, нет, я вообще-то о имени.

— Имя Сендзёгахары-сан — Хитаги, да? Разве оно необычное?.. Хитаги, если не ошибаюсь, — термин, связанный со строительными работами.

— Всё-то ты знаешь...

— Я не знаю всего. Только то, что знаю.

Лицо Ханэкавы выражало некоторое непонимание, однако ответа она у меня выпытывать не стала и лишь проговорила: «Редко увидишь, что ты интересуешься кем-то другим, Араагикун».

Я ответил, что она излишне беспокоится.

Ханэкава Цубаса.

Классная староста.

Более того, весь её вид полностью соответствует образу старосты: очки и туго заплетённая коса; сама дисциплинированная и вежливая и, благодаря своей ужасающей серьёзности, в хороших отношениях со всеми учителями. Она из того вымирающего вида людей, которых в наши дни можно встретить только в манге или аниме. Всю свою жизнь Ханэкава была старостой и, наверняка, после выпуска, продолжит оставаться какой-нибудь старостой, сам её характер делает её старостой старост. Ходят слухи, не лишённые, впрочем, правды, что она избрана самими богами для роли старосты (мои, правда).

Первые два года мы учились в разных классах и лишь на третий попали в один. Но о Ханэкаве я слышал ещё до этого. И неудивительно: если результаты Седзёгахары лучшие в классе, то результаты Ханэкавы Цубасы просто лучшие. Она и глазом не моргнув, без всякого обмана сама справилась на наивысшую оценку с шестью из шести предметов, пять из которых программные. Да, как сейчас помню заключительные экзамены первого семестра на втором году, где она, справившись со всем из программы, от искусства до физкультуры, завалила лишь один единственный вопрос по истории Японии. Просто невероятно, как она добилась таких чудовищных результатов. О такой знаменитости услышишь, даже если не особо-то и захочется.

К сожалению, нет, скорее, к счастью, всё это совершенно не тяготит — Ханэкава очень заботливый и добрый человек. И к несчастью, если ей в голову взбредёт какая-то идея, то эту идею никак уже оттуда не выбить. Она настолько серьёзна, что никогда не отступит от своего решения. Уже на весенних каникулах наше короткое знакомство с Ханэкавой закончилось тем, что, хоть новые классы ещё до конца не сформировались, она сразу же прознала, что мы станем одноклассниками, и заявила мне: «Я тебя обязательно исправлю».

Я не особо-то проблемный, да и, собственно, не вредничаю нигде, вообще, по-моему, в классе я больше похож на какой-нибудь предмет декора, так что её заявление стало для меня громом среди ясного неба. Но сколько бы я ни пытался разубедить Ханэкаву, её заблуждение пустило в ней глубокие корни, и так, неожиданно для себя самого, я оказался помощником старосты. И вот теперь, восьмого мая, мы с Ханэкавой остались после уроков, и я помогаю ей в разработке программы культурного фестиваля, который пройдёт в середине июня.

— Культурный фестиваль, а мы уже третьеклассники. Чего-то большого нам не сделать. Подготовка к тестам на первом месте, — проговорила Ханэкава.

Приоритет подготовки к тестам перед культурным фестивалем вполне логичен для старосты.

— Думаю, опрос выйдет слишком муторным, да и затратным по времени, раз так, то может заранее сократим респондентов до нас и уже то, что выберем, отдадим на голосование остальным. Неплохо?

— А что плохого? Выглядит демократично.

— Ну что у тебя вечно такая противная манера, Арараги-кун. Лишь бы отделаться.

— Не лишь бы отделаться. Не надо тут ярлыками меня завешивать.

— Для справки, Арараги-кун, что было у вас на культурном фестивале в прошлом и позапрошлом годах?

— Комната страха и кафе.

— Стандартно. Слишком стандартно. Я бы сказала даже заурядно.

— Ну знаешь...

— Даже банально.

— Хватит уже.

— Аха-ха.

— Вообще, что плохого в заурядности? Это же не только для гостей, мы должны и сами повеселиться... Хм. Если не ошибаюсь, Сендзёгахара же в культурном фестивале не участвует?

Как в прошлом году и в позапрошлом.

Хотя не только в культурном фестивале. Во всём, что называют «событиями», — во всём, кроме обычных уроков, Сендзёгахара не принимает участия. И, разумеется, ни на спортивных фестивалях, ни на школьных поездках, ни на занятиях на открытом воздухе, ни на экскурсиях её не встретишь. «Тяжелая *физическая активность* запрещена врачом», как-то так. Но сейчас мне это начинает казаться странным. Запретить тяжелую *физическую активность* это ещё куда ни шло, но запретить *активность* вообще, как-то подозрительно...

А что если...

Что, если мне *это* не показалось.

Что, если у Сендзёгахары действительно *нет* веса.

Думаю, это как раз бы объясняло, почему она не посещает занятия, вроде уроков физкультуры, где находится множество людей и есть вероятность близкого телесного контакта.

— Почему ты так забеспокоился о Сендзёгахаре-сан?

— Да не то чтобы, но...

— Вечно мальчишкам нравятся болезненные девушки. Ах, как же так. Гадко-гадко, — подразнила Ханэкава.

Довольно необычно от неё.

— Болезненные, говоришь...

Болезненная так болезненная.

Но есть ли болезнь?

И можно ли назвать это болезнью?

При слабом здоровье тело, конечно, неизбежно становится легче, это понятно, но *такое уже как-то за гранью*.

Если кто-то, пусть даже стройная девушка, падает с почти самой вершины лестницы, то обычно даже поймавший может получить сильные травмы.

Тем не менее удара я практически не почувствовал.

— Но ты ведь хорошо её знаешь, Арараги-кун? По крайней мере, лучше меня. Вы ведь уже третий год подряд в одном классе.

— Это, конечно, да, но... я думал, девушки лучше понимают девичьи дела.

— Дела, говоришь...

Кривоватая усмешка.

— Думаешь, так девушки и начали обсуждать девичьи дела с парнями?

— Твоя правда.

Это естественно.

— Хорошо, тогда спрошу как помощник старосты старосту класса. Сендзёгахара, что она за человек?

— Вот как, значит.

Ханэкава остановила свои наброски, которые черкала за разговором (стёрла написанное, написала, стёрла, снова написала: комната страха, кафе первым пунктом, пьеса от класса) и, хмыкнув, скрестила руки на груди.

— Фамилия Сендзёгахара на первый взгляд и кажется опасной², но она отличная ученица и не вызывает никаких проблем. Умная и не отлынивает от уборки.

— Так и есть. Но это я и так знаю. Я бы хотел услышать что-то новое.

— Но мы с ней лишь около месяца в одном классе. За такое время человека не узнаешь. Только прошла Золотая неделя.

— Золотая неделя, говоришь...

— Хм? Что Золотая неделя?

— Да ничего. Продолжай.

— А... Ну ладно. Сендзёгахара-сан не особо разговорчивая... и, кажется, у неё совсем нет друзей. Я по-разному пыталась разговорить её, но такое чувство, что она возвела вокруг себя непробиваемую стену...

— ...

Вот она, забота.

Ну я догадывался об этом, несмотря на свой вопрос.

— С ней... действительно трудно, — проговорила Ханэкава.

Тяжёлый вздох.

— Наверное, это всё из-за её болезни. В средней школе она была куда активней и веселей.

— В средней школе... Ханэкава, ты ходила с ней в одну школу?

— Э? Разве ты меня не поэтому спрашиваешь? — удивилась Ханэкава. — Да, это так. Мы из одной школы. Муниципальная средняя школа Киёкадзэ. Мы не учились в одном классе, но Сендзёгахара-сан была довольно знаменита.

«Больше чем ты?» — чуть было не спросил я, но остановил себя. Ханэкава не любит, когда к ней относятся как к популярной. Думаю, ей не хватает честности к самой себе: себя она считает не более чем «обычной девушкой, которая лишь немного серьёзней остальных». Она искренне верит, что учёба — это то, чего может добиться каждый своим упорством.

— А как она занималась спортом... Просто загляденье.

— Спортom...

— Она была асом легкоатлетического клуба. Думаю, даже установила несколько новых рекордов.

— Легкоатлетического?..

Другими словами.

В средней школе она не была *такой*.

Полная энергии, яркая — если честно, нынешнюю Сендзёгахару трудно такой представить.

— Я слышала много разного о ней.

— Например?

— Говорили, что она очень добрая и дружелюбная. Ко всем относилась одинаково ласково, никогда ни с кем не ссорилась, к тому же была очень трудолюбива. Её отец занимал высокий пост в иностранной компании, они жили в огромном особняке, но несмотря на богатство своей семьи Сендзёгахара-сан не строила из себя абы кого и не зазнавалась. Стоя на высоте, она ставила себе более высокие цели.

— Да она сверхчеловек какой-то.

Хотя, думаю, только где-то половина этого правда.

Слухи есть слухи.

— Но это всё говорили о ней тогда.

— Тогда...

— Я слышала, что после поступления в старшую школу она получила травму, но всё равно сильно удивилась, когда встретила её в классе. Ни за что бы не представила её тихо сидящей в углу.

«Хотя это лишь лично моё мнение», — опустила Ханэкава.

Разумеется, это лишь её собственное представление.

Люди меняются.

Старшая и средняя школы — вещи совершенно разные. Это верно для меня, и, наверное, для Ханэкавы. Наверняка и для Сендзёгахары тоже. С Сендзёгахарой многое случилось, и, может, она действительно просто получила какую-то травму. Из-за этого она, наверное, и потеряла свою жизнерадостность. И всю свою энергичность. Из-за вечных болезней любой бы стал вялым. Особенно, если в прошлом был активным. Думаю, это предположение совершенно верно.

Если бы не утреннее происшествие.

Мог я сказать.

— Но... хоть мне, наверное, и не следует говорить такое о Сендзёгахаре-сан...

— Что такое?

— Сейчас она... куда привлекательней, чем раньше.

— ...

— Она выглядит... ужасно эфемерной.

Молчание — сказано уже достаточно слов.

Да.

Эфемерная.

Не ощущается.

Словно дух?

Сендзёгахара Хитаги.

Болезненная девушка.

Не имеет веса.

Слухи есть слухи.

Городская легенда.

Объект сплетен.

Предмет слухов.

Полуправдивых?

— А, точно, вспомнил.

— Э?

— Меня звал Ошино.

— Ошино-сан? Зачем?

— Ну... это, по работе помочь.

— Хм-м?

Лицо Ханэкавы лишь слегка дрогнуло.

Внезапная смена темы — или скорее, откровенных уход от дальнейшего разговора, определённо насторожили её. Думаю, такие ничего не значащие слова как «по работе помочь» лишь стимулировали её сомнения. С умными людьми всегда сложно.

Они разгадают любую ложь, как бы красиво она не выглядела.

Встаю, продолжаю уже не так уверенно:

— Так что я уже не вернусь. Ханэкава, я могу переложить оставшееся на тебя?

— Если пообещаешь отработать, то сегодня я и сама справлюсь. Осталось немного, так что на этот раз я тебя прощу. Нехорошо будет заставлять Ошино-сана ждать, — всё-таки ответила Ханэкава.

Похоже, имя Ошино сработало. Как и я, Ханэкава очень обязана Ошино, и какая-либо неблагодарность по отношению к нему совершенно невозможна. Ну, на самом деле, я, конечно, использовал его имя с расчётом, однако не так уж и соврал.

— Тогда, может, я и выберу программу на фестиваль? А после мы решим, принять или нет.

— Ага. Рассчитываю на тебя.

— Передавай привет Ошино-сану.

— Обязательно.

А затем я вышел из класса.

Примечания

1. Сендзёгахара — название национального парка в префектуре Тотиги.

2. «Сендзёгахара» пишется через равнина поля брани.

Вышел из класса, закрыл за собой дверь и уже занёс ногу для шага, как вдруг из-за спины...

— О чём болтали с Ханэкавой-сан? — донёсся до меня вопрос.

Я обернулся.

Оборачиваясь, я всё не мог понять, кто же говорил — голос незнакомый. Но раньше я его слышал. Да, это раздражающее учителей, похожее на автоответчик, деликатное «не знаю»...

— Не двигайся.

С этим я догадался, что это Сендзёгахара. Дообернувшись, я понял и, что она, тщательно прицелившись и не теряя ни секунды, резко удлинила лезвие канцелярского ножа мне в рот.

Лезвие канцелярского ножа.

Плотно приставлено к моей левой щеке изнутри.

— Х!

— Ой, не так... «Двигаться можешь, но это очень опасно», да, так правильнее.

Не легко, но в то же время и не плотно лезвие прижималось к внутренней стороне моей щеки.

Что до меня, то я стоял как дурак с широко разинутым ртом, боясь и дрогнуть после такого наказания.

Страшно.

Думал я.

Но не ножа, нет.

Страшно Сендзёгахары Хитаги, глядящей на меня леденящим душу, абсолютно статичным взглядом.

Такой...

У неё и правда такой опасный взгляд?

Уверен.

Сейчас, когда лезвие канцелярского ножа приставлено к внутренней стороне моей левой щеки, но не углубляется, я, глядя в глаза Сендзёгахары, уверен — оно направлено совсем не тыльной стороной.

— Любопытный таракан... Суёшь свой нос в чужие дела. Жутко бесит. Ты действуешь мне на нервы, ничтожный червь.

— Э-эй...

— Что такое? Правой одиноко? Так бы сразу и сказал.

Сендзёгахара взмахнула левой рукой в противоположность правой, держащей канцелярский нож. Я тут же *приготовил зубы*, ожидая пощёчины, однако произошло кое-что другое. Не то, чего я ожидал.

В левой руке Сендзёгахары оказался степлер.

И прежде чем я смог нормально разглядеть это, она сунула мне его в рот. Конечно, засунула не полностью — Сендзёгахара зажала степлером мою правую щеку — словно собиралась скрепить бумагу.

А затем слегка нажала.

Словно собираясь выпустить скобу.

— К... А...

Объёмная часть степлера, ну в смысле, та, в которую вставляются скобы, до отказа заполнила мой рот, и я, естественно, не мог вести внятные речи. Если с ножом я ещё мог говорить, но не мог двинуться, то сейчас я даже не пытался. Даже не хотел думать об этом.

Вставила за доли секунды в широкой открытый рот с уже засунутым туда острым тонким канцелярским ножом степлер — словно просчитала всё до последний мелочей, жутковатое мастерство.

Вот чёрт, последний раз мне в рот засовывали всякие штуки в первый год средней школы, когда лечили кариес. С тех пор, дабы такое не повторилось вновь, я каждое утро, каждый вечер, после каждого приёма пищи начищал зубы и даже жевал жвачку с заменителем сахара.

Но это меня не спасло.

Взмах ресниц — и вот мой рот снова забит до отказа.

В коридоре частной старшей школы словно образовалась аномальная зона, и даже не верится, что где-то за стеной Ханэкава выбирает программу культурного фестиваля.

Ханэкава...

Что значит «фамилия на первый взгляд кажется опасной»?

Да эта девушка в полной мере соответствует своему имени...

Удивлён, что проглядела!

— Ты узнал от Ханэкавы-сан о моей жизни в средней школе и теперь направился к Хосина-сэнсэй? Или же решил пропустить её и пошёл сразу к медсестре Харуками-сэнсэй?

— ...

Не могу и слова вымолвить.

Не отрывая от меня взгляда, Сендзёгахара глубоко вздохнула с лёгким разочарованием.

— Я была слишком небрежна. В таком состоянии ужасно трудно «взбираться» по лестнице. Одна ошибка будет стоить всей работы.

— ...

Эта ситуация обратила меня неожиданно прекрасным слушателем, не способным и помыслить о сопротивлении речам сей девушки-подростка, что прекрасней любого цветка.

— Никогда и представить не могла, что там окажется кожура от банана.

— ...

Моя жизнь сейчас зависит от девушки, подскользнувшейся на банановой кожуре.

Откуда эта штука взялась на школьной лестнице?

— Ты ведь уже понял? — спросила Сендзёгахара.

Взгляд всё такой же опасный.

Все «принцессы» такие?

— Да, у меня нет веса.

Веса нет.

— Хотя нет не полностью — с моим ростом и телосложением средний вес должен быть чуть больше сорока килограмм.

Я бы сказал, пятьдесят.

В левую щёку упирается нож, правую давит степлер.

— !

— Я не намерена терпеть твои извращённые фантазии. Ты сейчас представлял меня голой, да?

Вообще-то нет, но результат остроты не потерял.

— Всё же максимум где-то сорок пять, — настаивала Сендзёгахара.

Не уступает.

— Но сейчас мой вес — пять килограмм.

Пять килограмм.

Словно новорождённый ребёнок.

Представляется пятикилограммовая гантелька. Хотя и не близка к нулю, но масса в пять килограмм, учитывая распределение по телу человека, при любой плотности будет ощущаться почти нулевой.

И поймать такую просто.

— Ну, если быть точной, это только мои весы показывают пять килограмм — сама я не ощущаю этого. Как раньше чувствовала себя на чуть больше сорока килограмм, так и сейчас.

Вот как...

Может, это какое-то уменьшение влияния гравитации? Не масса, объём — точно, если удельный вес воды единица, то при том, что тело человека по большей части состоит из воды, её плотность будет где-то около единицы... проще говоря, у Сендзёгахары одна десятая её реальной плотности.

Если исходить из такой цифры плотности костей, то она, скорее всего, должна болеть остеопорозом. Внутренние органы и мозг нормально функционировать не смогут.

Выходит, дело не в этом.

Ничего такого у неё нет.

— Знаю, о чём ты думаешь.

— ...

— На грудь мою палишься, свинья.

— !..

Да даже не думал!

Похоже, эта старшеклассница весьма высокого мнения о себе. Ничего удивительно при такой-то внешности... но ей бы стоило поучиться у кое-какой старосты, работающей сейчас за стеной.

— Как же я устала от недалёких людишек.

Похоже, это недоразумение не разрешить... Всё равно, думаю, Сендзёгахара довольно далека от болезненной — это лишь внешняя сторона её тела. То, что её вес, — пять килограмм, не делает её презренной и уж тем более болезненной. Если уж так говорить, то это словно пришелец, прилетевший на Землю с планеты с гравитацией в десять раз большей нашей, тут необходима высокая способность к движению. Она ведь к тому же раньше ходила в клуб лёгкой атлетики. Хотя на приземление на другую планету это, конечно, не особо смахивает...

— Это случилось после того, как я окончила среднюю школу, но ещё не поступила в старшую, — проговорила Сендзёгахара. — Я тогда ещё не была старшеклассницей, но и не училась в средней школе, весенние каникулы ещё не начались, в это неопределённое время я и стала *такой*.

— ...

— *Я встретила... краба.*

К-краба?..

Она сказала краба?

Краб... это которых зимой едят? Эти крабы?

Членистоногие ракообразные декаподы?

— И он украл мой вес.

— ...

— Ладно, не думаю, что ты способен понять. Я говорю с тобой лишь потому, что ты можешь вызвать мне кучу проблем своим разнюхиванием. Арараги-кун. А, Арараги-куун... Эй, Арараги-кун, — Сендзёгахара снова и снова повторяет моё имя. — У меня нет веса — нет тяжести. Вообще нет тяжести. И это меня не тяготит. Знаешь, это ведь прямо как в «Загадочном мире Ёсуке»¹. Тебе нравится Такахаси Ёсуке²?

— ...

— В школе об этом знает медсестра Харуками-сэнсэй. Только она. Сейчас ни директор Ёсики-сэнсэй, ни замдиректора Сима-сэнсэй, ни завхоз Ирунака-сэнсэй, ни классный руководитель Хосина-сэнсэй не знают. Только Харуками-сэнсэй... Ну и ты, Арараги-кун.

— ...

— Ну и что лучше всего подойдёт, чтобы ты молчал о моём секрете? Что мне сделать? Поклянёшься не болтать *«даже под ножом»*, Арараги-кун? Или следует *«закрыть тебе рот»*?

Канцелярский нож.

Степлер.

Она в здравом уме? Прессует одноклассника. Это вообще нормально? Как подумаю, что такой жуткий человек больше двух лет находился рядом со мной в одном ряду, аж в дрожь бросает.

— Врачи сказали, что причина неизвестна — точнее, никакой причины *нет*. После всех тех унижений, что они сотворили с моим телом, заключение просто унижительное. *Всё так и было*, они не смогли ничего сказать кроме *«так и было»* — вот как, — бормотала Сендзёгахара словно сама себе. — Не думаешь, что это слишком нелепо? Я... ведь в средней школе я была обычной и милой.

— ...

Отложим ненадолго тот факт, что сейчас она саму себя назвала милой.

Она и правда ходит по больницам.

Опоздания, уход пораньше, пропуски.

К тому же, медсестра.

Что же она об это всё думает?

Так же, как я — *так же, как я, только не на короткий период двухнедельных весенних каникул*, а с самого поступления в старшую школу она *всё время была такой*.

Что она оставила?

Что отбросила?

Прошло уже достаточно времени.

— Собираешься меня пожалеть? Как по-доброму, — с отвращением выдала Сендзёгахара, словно заглянув в моё сердце. — Но мне не нужна твоя доброта.

— ...

— Всё, что мне нужно это, чтобы ты молчал и больше меня не трогал. Ну как, справишься? Ты ведь не хочешь, чтобы с твоими драгоценными щёчками что-то случилось? — расплылась в улыбке Сендзёгахара. — Если готов пообещать мне своё молчание и безразличие, то кивни два раза, Арараги-кун. Любое другое движение я посчитаю попыткой к нападению и тут же пресеку.

Она не колеблется.

Я, не имея иного выбора, кивнул.

А затем кивнул второй раз.

— Вот и ладушки.

Увидев это, Сендзёгахара, кажется, расслабилась.

Выбора не было, да и сделкой или соглашением это не назовёшь, но тем не менее мой покорный ответ всё-таки успокоил её.

— Спасибо.

Она начала скорее медленно, чем осторожно, убирать нож от внутренней стороны моей левой щеки. Она действовала внимательно, стараясь случайно не поранить мой рот.

Она вытащила канцелярский нож и втянула лезвие.

Кчкчкчкчкч.

А теперь степлер.

— Яй?!

Клац-клац.

Не могу поверить.

Сендзёгахара... решительно нажимает на степлер. А затем, прежде чем я успел скрючиться от дикой боли, она проворно вытащила его.

Я тут же рухнул на четвереньки.

И ухватился за щеку.

— Гх... в-вот же...

— Не кричишь. Как хорошо.

Шлангом прикидывается...

Сендзёгахара посмотрела на меня сверху-вниз.

— На сейчас я тебя прощу. Мне отвратительна твоя глупость, надеюсь, твоя клятва будет честной.

— Т-ты...

Клац-клац.

Попытался я что-то сказать, как Сендзёгахара заткнула меня, щёлкнув степлером, словно собирается скрепить воздух.

Использованная скоба упала прямо передо мной.

Естественно, я тут же замер.

Рефлекс.

С первого же раза она привила мне условный рефлекс.

— Так вот, Арараги-кун, с завтрашнего дня ты меня полностью игнорируешь. Всего хорошего.

Не дожидаясь ответа, Сендзёгахара развернулась и быстро зашагала по коридору. Не успел я и подняться, как она уже скрылась за углом.

— Просто дьяволица, а не девушка...

У нас определённо различна сама структура мозга.

Похоже, я её недооценил, подумав, что она всё-таки не станет этого делать. Хотя уже хорошо, что она выбрала степлер вместо ножа.

Я легонько погладил щёку, но не чтобы утихомирить боль, которая уже почти прошла, а чтобы проверить как она.

— ...

Ладно.

Порядок, насквозь не прошло.

Я продолжил и засунул палец в рот. Палец левой руки, щека-то правая. Почти сразу же нашарил её.

По ещё нестихнувшей, неслабеющей острой боли я нашёл скобу. На самом деле то, что она выстрелила всего одной, можно считать лишь обычной угрозой в случае отхода от мирной линии... и, если честно, было вполне ожидаемо.

Ладненько.

Скоба не прошла насквозь, значит не искривилась и по большей части так и осталась с прямыми углами. Если б она не сохранила свою форму, то доставать её бы приходилось с силой и жутким сопротивлением.

Подцепил большим и указательным пальцами и вытащил за раз.

К острой боли добавился тусклый вкус.

Похоже, брызнула кровь.

— Ух...

Порядок.

Теперь я в порядке.

Я лизнул две ранки на внутренней стороне щеки и кинул скобу степлера в карман формы. Так же поступил и со скобой, брошенной Сендзёгахарой. Кто-то ведь может нечаянно наступить на них без ботинок. Лично мне они видятся какими-то использованными гильзами магнума.

— Что? Ты всё ещё здесь, Арараги-кун?

Из класса вышла Ханэкава.

Похоже, она уже закончила.

Немного припоздала.

Хотя, нет, время самое подходящее.

— Разве ты не спешил к Ошино-сану? — спросила она.

На её лице выразилось недоумение.

По другую сторону стены... да, по другую сторону весьма тонкой стены. И тем не менее Ханэкава совсем не почувствовала Сендзёгахару, проделавшую такую жуткую работу. Всё-таки эта девушка... не обычный человек.

— Ханэкава... ты любишь бананы?

— Э? Ну точно не недолюбливаю. Они очень питательны, и если выбирать между люблю или не люблю, то да, люблю.

— Как бы ты их не любила, никогда не ешь в школе!

— Ч-чего?

— Ну ладно, есть можешь, но, если бросишь кожуру на лестнице, я тебя ни за что не прощу!

— О чём ты говоришь, Арараги-кун?!

Ханэкава приложила руку ко рту с озадаченным выражением.

Ну это нормально.

— Но, Арараги-кун, Ошино-сан...

— Прямо сейчас к нему и направлюсь.

Оборвал я её.

Оборвал я её и, пройдя мимо Ханэкавы, стремительно рванул вперёд. «Ох! Эй, Арараги-кун, нельзя бегать по коридорам! Я всё расскажу учителю!» — слышался сзади, её окрик, который я, естественно, проигнорировал.

Бегу.

Несмотря ни на что бегу.

Завернул за угол, на лестницу.

Четвёртый этаж.

Далеко не должна уйти.

Шагаю прыжками, второй пролёт, третий, прыгаю сразу через несколько ступенек и наконец приземляюсь на четвёртом по счёту.

В ноги пришёлся удар.

Удар от моего веса.

Такой удар...

Которого у Сендзёгахары, по всей видимости, нет.

Нет веса.

Нет тяжести.

Такой ненадёжный шаг.

Краб.

Она сказала «краб».

— Не сюда... наверное, туда?

Вряд ли она куда-нибудь свернёт. Она не станет думать, что я последую за ней, и пойдёт напрямик к школьным воротам. Время уже позднее, и в школе должны оставаться только члены клубов, а она ни в одном не состоит и потому должна направиться домой. С такими мыслями я без колебаний приземляюсь на второй этаж с третьего. Прыгаю.

А затем на первый со второго.

Сендзёгахара здесь.

Она уже слышала за спиной топот и, заинтересовавшись, обернулась.

Взгляд ледяной.

— Удивлена, — сказала она. — Нет, я действительно поражена. Далеко не все готовы так сразу воспротивиться, на моей памяти, такое впервые, Арараги-кун.

— Впервые...

Значит, были и другие?

Хотя она говорила же про ошибки.

Но если так подумать, «отсутствие веса» секрет, который может раскрыться только при телесном контакте, а с её-то уровнем защиты такое практически невозможно...

Если вспомнить, она сказала «сейчас».

Может, она и вправду дьяволица.

— Не думала, что ты так легко справишься от боли. Обычно такого достаточно, чтобы человек не двигался с места.

Слова опытного.

Жуткая жуть.

— Хорошо. Я поняла. Поняла, Арараги-кун. Твоя позиция «око за око» не противоречит моей справедливости. Раз так, то я готова, — проговорила Сендзёгахара.

И развела руки в стороны.

— Да начнётся битва.

И в обеих руках её — помимо уже виденных мною канцелярского ножа и степлера, куча самых разных канцелярских принадлежностей: остро наточенный ТМ карандаш, циркуль, трёхцветная шариковая ручка, механический карандаш, клей-момент, ластик, скрепки, зажим, скрепитель, перманентный маркер, булавка, перьевая авторучка, корректор, ножницы, скотч, швейный набор, разрезной нож для бумаги, угольник, тридцатисантиметровая линейка, транспортир, клей ПВА, набор резцов, краски в тюбиках, пресс-папье и тушь.

...

У меня такое предчувствие, что в будущем меня ждёт преследование до самого порога смерти, лишь потому что я находился с ней в одном классе.

Как по мне, так самое опасное здесь — клей-момент.

— Н... Нет и нет. Не будет битвы.

— Не будет? Чего это?

В её голосе прозвучали нотки досады.

Но раскинутые руки она не убрала.

И жуткие орудия убийства, именуемые канцелярскими принадлежностями, по-прежнему посверкивали в свете ламп.

— Тогда в чём дело?

— Наверное, это только предположение, — говорю я. — Но думаю, что мог бы, так сказать, протянуть руку...

— Или ноги?

Я же от чистого сердца...

А она издевается.

Нет, скорее, она раздражена.

— Не шути со мной. Я говорила, мне не нужна ничья дешёвая жалость. Будто ты что-то можешь. Тебе стоит просто молча не обращать на меня внимания.

— ...

— Доброту я тоже рассматриваю как попытку к нападению, — сказала она.

И взошла на одну ступеньку вверх.

Похоже, она серьёзна.

Колебаться не будет — по недавней встрече я уже достаточно понял. Более чем достаточно.

Поэтому.

Поэтому я без лишних слов завёл палец за край губ и потянул щёку.

Пальцем левой руки правую щёку.

Естественно, внутренняя часть правой щеки открылась.

— Э?..

Сендзёгахара удивилась. С лёгким шумом опали всё её убийственные канцтовары.

— Ты... Это, как это.

Это даже вопросом особо не назовёшь.

Да.

Вкуса крови уже нет.

Рана от степлера Сендзёгахары уже полностью зажила, не оставив и следа.

Примечания

1. Манга о детективе-телепате, который расследует преступления, связанные со сверхъестественным.
2. Мангака, рисует в жанрах мистика, хоррор. Наиболее известные его произведения - «Gakkou kaidan» и «Mugen shinshi»

Это произошло на весенних каникулах.

На меня напал вампир.

В эпоху, когда на школьной поездке самое обычное дело поехать за границу, а скоростные поезда получили повсеместное распространение, об этом говорить несколько стыдно, но на меня напал вампир.

От её красоты кровь стыла в жилах.

Прекрасный демон.

Невероятно прекрасный демон.

Я до сих пор прикрываю воротником формы след на шее от её укуса. Надеюсь, к лету волосы уже отрастут... Но сейчас не об этом. Обычно если на кого-то нападает вампир, то тут же на помощь приходит какой-нибудь специалист по вампирам, вроде охотника на нечисть или христианского инквизитора, или вампира, который охотится на своих собратьев-вампиров, в моём же случае меня спас бомжеватого вида мужик, проходящий мимо.

И я каким-то образом вновь *вернулся к человеческой жизни*: спокойно переносу чеснок, кресты и солнечный свет, однако из-за побочного эффекта, а может и из-за его воздействия, моя физическая сила по-прежнему превышает человеческую. Хотя это касается не спортивных способностей, а способности к восстановлению, метаболизму. Не знаю, что было бы, если бы мою щёку разрезало канцелярским ножом, но восстановление после скобы не заняло и тридцати секунд. Хотя у животных и без этого быстро заживают раны в полости рта.

— Ошино... Ошино-сан?

— Да. Ошино Мэмэ.

— Ошино Мэмэ. Ха, какое моё имя.

— Это только кажется. Ему уже за тридцатник.

— Да? Уверена, в детстве он был моё-персонажем.

— Не оценивай так живых людей. Кстати, откуда ты знаешь, что такое «моё» и «персонаж»?

— Пустяки, такое все знают, — невозмутимо ответила Сендзёгахара. — А персонажей вроде меня называют цундере, да?

— ...

Я б сказал, цундура.

Но оставим это.

От частной старшей школы Наоэцу, в которой мы с Ханэкавой и Сендзёгахарой учимся, на велосипеде около двадцати минут до частной вечерней школы, построенной в несколько отдалённом от спального района месте.

Построенной.

Несколько лет назад из-за крупной подготовительной школы, открывшейся рядом со станцией, эта школа обанкротилась и закрылась. Когда я узнал об этом четырёхэтажном здании, оно уже обратилось в руины, так что мне известны лишь слухи и рассказы.

«Осторожно».

«Частная территория».

«Не входить».

Тут и там стоят подобные знаки, и хотя здание окружает самая что ни на есть надёжная ограда, повсеместно мелькают дыры и разломы, так что пройти можно свободно.

В этих развалинах Ошино и живёт.

Взял да поселился.

С весенних каникул уже где-то с месяц.

— У меня уже попа болит. И ноги затекли. И юбка вся измялась.

— Мне-то что.

— Не уходи от ответа. А то отрежу.

— Что отрежешь?!

— Это мой первый раз, когда я еду на велосипеде вдвоём, разве тебе не стоит быть понежнее?

Ты же принимаешь доброту за попытку нападения, нет?

Противоречит себе же.

— И что же я должен сделать?

— О, ну, ты мог хотя бы дать мне сумку вместо подстилки, например.

— Лишь бы себя ублажить.

— Не говори так. Я ведь сказала «например».

И как это понимать?

Поди разбери.

— Блин, да даже Мария-Антуанетта¹ поскромнее тебя будет!

— Она моя ученица.

— А временные рамки?!

— Хватит меня перебивать. Выглядит слишком по-дружески. Прохожие могут подумать, что мы одноклассники.

— Мы и так одноклассники!

Сколько ещё она готова это отрицать?

Как-то уже чересчур.

— Блин... Для общения с тобой необходим просто вагон терпения...

— Арааги-кун. Так звучит, будто это я плохая, а не ты.

— Кстати, где твоя сумка? У тебя ничего с собой. Ты её не взяла?

Если честно, не припоминаю, чтобы когда-то видел Сендзёгахару с сумкой.

— Содержание всех учебников у меня в голове. Поэтому они лежат в шкафчике. Всё для письма у меня всегда с собой, обхожусь без сумки. А переодеваться на физкультуру мне не надо.

— О, ясно.

— В бою важно, чтобы руки были свободны.

— ...

Телесное оружие.

Живое оружие².

— У меня проблемы только с прокладками, не хочу оставлять их в школе. А одолжить не у кого, друзей-то у меня нет.

— Не говори об этом так спокойно...

— Что такого? Прокладки сами по себе это совсем не стыдно. Скрывать это даже отвратительней.

Сомневаюсь, что ты ничего не скрываешь.

Хотя у каждого своё.

Не мне об этом говорить.

Но у меня всё не выходили из головы слова о том, что у неё нет друзей.

— Ладно, пусть будет так.

Хоть меня такое и не особо волнует, но по недавнему замечаю о юбке я уяснил, что Сендзёгахара всё-таки девушка, и ей не захочется пачкать форму, потому поискал *вход* пошире и, наконец обнаружив его, повернулся к Сендзёгахаре.

— Я пригляжу за твоими канцтоварами.

— Э?

— Пригляжу, давай доставай.

— Э? Э?

Сендзёгахара отреагировала, словно я потребовал что-то из ряда вон. На её лице так и читался вопрос всё ли в порядке у меня с головой.

— Ошино, может, и странноватый мужик, но он меня спас.

К тому же.

Он спас и Ханэкаву.

— Мне как-то не особо хочется сводить своего спасителя со всякими психами, так что давай сюда все свои канцтовары.

— Не думала, что скажешь такое, когда мы придём сюда.

Сендзёгахара смотрит на меня с подозрением.

— Ты завёл меня в ловушку?

— ...

Мне теперь уговаривать её?

Тем не менее Сендзёгахара продолжала молча стоять передо мной с видом жуткой внутренней борьбы. Временами она поглядывала то на меня, то себе под ноги.

Я уже начал думать, что она развернётся и уйдёт, однако Сендзёгахара, решившись, проговорила:

— Согласна. Держи.

А затем прямо как в каком-то магическом шоу со всего её тела, подобно тысячам лепесткам сакуры, ко мне посыпались различные канцелярские принадлежности. Похоже, то, что я увидел на лестничной площадке, лишь безумно малая часть её арсенала. Наверное, в её карманах проход в четвёртое измерение. А может, это технологии 22 века³. Я сказал, что пригляжу за ними, но что-то мне кажется, моя сумка маловата для такого.

Куда смотрит правительство, когда такие люди свободно разгуливают, где им вздумается?..

— Не пойми неправильно. Это совсем не значит, что я снижу бдительность, — сказала Сендзёгахара, передав всё это мне.

— Бдительности не снизишь...

— Если ты обманул меня и завёл в эти безлюдные руины, чтобы отомстить за рану от степлера, то это большая ошибка.

— ...

Даже в мыслях не было.

— Теперь порядок? Если я не буду выходить на связь каждую минуту, то пять тысяч моих безжалостных соратников тут же нападут на твою семью.

— Да всё нормально... Ты слишком беспокоишься.

— Хочешь сказать, тебе хватит минуты?!

— Я тебе не боксёр какой-нибудь.

Без колебаний нацелилась на мою семью.

Я в шоке.

К тому же пять тысяч, ещё чего?

Дерзковато для той, у кого и друзей-то нет.

— У тебя есть две младшие сестры, и они учатся в средней школе.

— ...

Она знает о моей семье.

Её угрозы ложь, но, похоже, она серьёзна.

Она видела, что я в какой-то мере *бессмертен*, и, скорее всего, теперь мне не доверяет. Ошино говорит, что в таких делах важно взаимное доверие, и если так посмотреть, то с этим вышла небольшая накладочка.

Ну, ничего не поделаешь.

С этого момента это её проблема.

Я просто привёл её.

Мы прошли сквозь дыру в проволочном ограждении и вошли внутрь здания. Сумерки только начали сгущаться, однако внутри уже довольно темно. Здание давно заброшено, и потому лучше внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться.

И сейчас я заметил.

Пустые банки, разбросанные кругом, для меня лишь обычные пустые банки, но для Сендзёгахары это пустые банки с десятикратным весом.

Как всё относительно.

Десятикратная тяжесть при одной десятой тяжести — вещь, которую не так-то просто разъяснить, как в одной старой манге⁴. Слишком просто думать, что высокие способности в спорте покроют чрезмерно лёгкий вес. Особенно, когда речь идёт о тёмном странном месте. Сендзёгахара шагает с осторожностью дикого зверя, и её можно понять.

Десятикратная скорость.

Однако сила обратилась лишь одной десятой прежней.

Если так подумать, то теперь понятно, почему она носит с собой столько канцтоваров.

И не носит сумку.

И потому же не носит сумку.

— Нам туда.

У входа я схватил до последнего державшуюся отстранённо Сендзёгахару за руку и повёл за собой. Это получилось несколько неожиданно, потому Сендзёгахара опешила.

— Чего? — пробормотала она, послушно следуя за мной. — Не рассчитывай на благодарности.

— Понятно.

— Вообще, это ты должен меня поблагодарить.

— Не понял?!

— Не думал, что я специально воткнула тебе скобу с внутренней стороны, чтобы видно не было?

— ...

Это всё равно, если какой-нибудь разбойник скажет: «Я ударил тебя в живот, чтоб лицо не попортить».

— Это бы не сработало, если б скоба прошла насквозь.

— У тебя, Арараги-кун, толстая кожа на лице, почему-то мне показалось, что всё будет в порядке.

— Что-то я не очень счастлив от этого. Вообще, что значит «почему-то»?

— Моя интуиция точна на десять процентов.

— Низковато!

— Ну... — проговорила Сендзёгаха, несколько отделившись. — Всё равно, тревога оказалась напрасной.

— Ещё бы.

— Тебя заденет, если я скажу, что бессмертие это удобно? — спросила она.

— Сейчас не особо, — ответил я.

Сейчас — не особо.

А вот на весенних каникулах...

Если б мне такое сказали... Возможно, эти слова убили бы меня. Может, даже обратились бы смертельным ударом.

— При удобном удобно, при неудобном — неудобно. Как-то так.

— Как-то уклончиво. Не слишком понятно, — пожала плечами Сендзёгахара. — Прямо как «угроза порядку» это не совсем угроза.

— А можно сказать и «порядочная угроза».

— Спорно.

— Кроме того, я уже не бессмертен. Только раны быстрее заживают, а так я совершенно обычный.

— Хм. Вот как, — разочарованно пробормотала Сендзёгахара. — А я хотела столько всего опробовать, какая досада.

— Похоже, ты задумала что-то необычайно жуткое, забыв оповестить меня...

— Как грубо. Я ведь хотела всего-то сделать *** и немного ***.

— Что за ***?!

— Ну это **такое** и ещё **вот такое**.

— Объясни жирность!

Ошино, как правило, можно найти на четвёртом этаже.

Тут есть лифт, но он само собой не работает. Когда перед тобой встаёт выбор между тем, чтобы пробить люк в потолке лифта и взбираться до четвёртого этажа по тросу, и тем, чтобы подниматься по лестнице, думаю, любой выбрал бы последнее.

По-прежнему держа Сендзёгахару за руку, я начал подниматься по ступенькам.

— Арараги-кун. Я должна кое-что сказать тебе напоследок.

— И что же?

— Может, этого и не видно под одеждой, но моё тело совсем не стоит тюрьмы.

— ...

Похоже, у Сендзёгахары Хитаги-сан весьма высокое чувство собственного достоинства.

— Ты видимо не понимаешь намёков? Тогда скажу прямо. Если ты, Арараги-кун, покажешь свою истинную подлую сущность и изнасилуешь меня, я сделаю такое, что с того момента ты будешь любить только парней.

— ...

Ни стыда, ни скромности.

Это действительно страшно.

— Но вот если посмотреть на твои действия, а не только на слова, то сразу понятно, что у тебя высокое самомнение, достигающее до откровенной паранойи.

— Отвратительно. Не всё можно так прямо говорить.

— Так ты это понимаешь?!

— Но жить в таком заброшенном здании... Этот Ошино тот ещё.

— Ага... Он вообще чудной.

Мне как-то всё ещё сложно сразу же отвечать Сендзёгахаре.

- А не нужно было предупредить его? Не поздновато для обращения за помощью?
- Удивлён таким разумным словам от тебя, но, к сожалению, у него нет мобильного.
- Что-то непонятное. Я бы сказала даже подозрительно. Чем он вообще занимается?
- Деталей я не знаю, но он *специалист* по делам как у нас.
- Хм-м.

Объяснение сомнительное, но Сендзёгахара не стала расспрашивать. Наверное, подумала, что и так встретится с ним, а может, что спрашивать бессмысленно. Оба варианта похожи на верные.

— О, Арараги-кун, у тебя часы на правой руке.

— М-м? А, ну да.

— Ты вообще нормальный?

— Сперва надо было спросить, не левша ли я!

— Точно. Так как?

— ...

Тут кое-кто другой ненормальный.

Четвёртый этаж.

Это изначально школа, так что комнаты тут представлены тремя классами, однако во всех классах выломаны двери и сейчас они все соединены через коридор. В поисках Ошино я заглянул в ближайший класс.

— О, Арараги-кун. Пришёл наконец.

Ошино Мэмэ здесь.

Сидит по-турецки на импровизированной кровати (если это, конечно, можно так назвать), составленной из нескольких придвинутых друг к другу ржавых парт, скреплённых друг с другом леской.

Будто знал, что я приду.

Как и всегда... Проницательный человек.

Но вот Сендзёгахара явно не спешила.

Хоть я и предупреждал её, но, похоже, бомжеватый вид Ошино далеко не отвечает эстетическим стандартам современных старшеклассниц. У любого, кто бы пожил в таких руинах, стиль изменился бы на потрёпанный, однако даже с моей позиции парня, внешний вид Ошино и понятие чистоты — вещи несовместимые. Наверное, будет правильным сказать, что у него самого отсутствует это понятие чистоты. И довершает его образ просто невообразимая психоделическая гавайская рубаха.

Даже шокирует, что вот такой человек спас мою жизнь... И в противоположность Ханэкаве он полнейший пофигист.

— Вот те на. Ты сегодня с новой девушкой, Арараги-кун. Каждый раз приводишь разных, мои сердечные поздравления.

— Не делай из меня какого-то ловеласа.

— Хм-м... А это не так?

Ошино издали разглядывает Сендзёгахару.

Словно *что-то* видит у неё за спиной.

— Приятно познакомиться, барышня. Ошино.

— И мне приятно... Сендзёгахара Хитаги.

Ну хоть поздоровались нормально.

По крайней мере, обошлась без язвительных замечаний. Похоже, со старшими она куда вежливей.

— Я одноклассница Арараги-куна, он мне про вас рассказал.

— А... Хорошо, — многозначительно протянул Ошино.

Он опустил голову, достал сигарету и зажал во рту, однако зажигать не стал. В окнах, которые теперь и окнами-то не назовёшь, остались лишь жалкие осколки стёкол, Ошино кончиком сигареты указал на вид за окном.

Через какое-то время он повернулся ко мне.

— Похоже, тебе нравятся девушки с прямой чёлкой, Арараги-кун.

— Не делай из меня какого-то извращенца. Все знают, что прямые чёлки любят только лоликончики. Не сравнивай меня со своим поколением, выросшим вместе с «Полным домом»⁵.

— И то верно, — рассмеялся Ошино.

Сендзёгахара нахмурилась этому веселью.

Наверное, обиделась, что я её косвенно лолей назвал.

— Это... Ну, для деталей лучше всё-таки спросить её саму, но вот, Ошино... два года назад она...

— Не называй меня «она», — решительно перебила Сендзёгахара.

— Ну и как мне тебя называть?

— Сендзёгахара-сама.

— ...

Она серьёзно?

— Senjouhara-sama.

— Транслит не принимается. Говори правильно.

— Сендзёгахара-тян.

Удар в глаза.

— Так и ослепнуть можно!

— Ты оговорился.

— И это по-твоему равноценный обмен?!

— Мои оскорбления состоят из сорока граммов меди, двадцати пяти граммов цинка, пятидесяти пяти граммов никеля, пяти граммов смущения и девяносто семи килограмм злобы^б.

— Да сколько ж злобы-то!

— Кстати, про смущение — ложь.

— Исчез самый важный компонент!

— Ты такой шумный. Если не прекратишь, я буду называть тебя менструальной болью.

— От такого прозвища утопиться недолго!

— Чего это. Это обычное физиологическое явление, ничего постыдного.

— Если специально, это совсем другое!

Сендзёгаха выглядела ужасно довольной и наконец повернулась к Ошино.

— Прежде чем мы начнём, я бы хотела кое-что спросить, — озадаченно проговорила Сендзёгахара, обращаясь скорее к Ошино, чем к нам обоим, и указала в угол класса.

Там, обняв руками колени, сидела девочка, маленькая настолько, что смотрелась странно в этой вечерней школе. На вид лет восемь, белая кожа, поверх золотистых волос авиашлем — она сидела в углу, поджав колени к подбородку.

— Это вообще что?

Она спросила *«что»*, а значит уже догадалась, что эта девочка *нечто*. Но, наверное, тут любой, не только Сендзёгахара, почувствовал бы, что в этой девочке, пронзающей жутким взглядом Ошино, мало обычного.

— А, да не волнуйся об этом, — ответил я вместо Ошино. — Сидит себе и сидит, она не может ничего особо... Безвредная. От её прежней не осталось и следа. У неё даже имени нет.

— А вот и нет, Арараги-кун, — перебил меня Ошино. — Про следы-то, может, и верно, но вчера я дал ей имя. Оно хорошо постаралась на Золотой неделе, да и без имени как-то неудобно. К тому же, без имени она так и будет оставаться злом.

— Имя, значит. И какое же? — поинтересовался я, отвлёкшись от Сендзёгахары.

— Шинобу Ошино, вот так.

— Шинобу.... Хм-м.

Истинно японское имя.

Хотя какая, собственно, разница.

— Сердце под клинком. Подходящее имя, не так ли? Я дал ей свою фамилию. Забавно, что кандзи «忍», Шинобу, входит в «忍野», мою фамилию. Из двусмысленного стало трисмысленным. Как по мне, очень даже неплохо, прекрасно ей подходит.

— Правда?

Скорее, правда не волнует.

— У меня было несколько имён на примете, но в итоге остановился на двух: «Ошино Шинобу» и «Ошино Ошино». Я выбрал первое, оно как-то благозвучней. Думаю, Староста-тян оценила бы мой выбор кандзи.

— Это хорошо, наверное.

Честно, мне никакого дела нет.

Не, ну, Ошино Ошино точно бред.

— Так, — потеряв терпение встряла Сендзёгахара. — Что это такое?

— Так... Ничто.

Лишь тень бывшего вампира.

Шелуха некогда прекрасного демона.

Как ни назови, а все равно ничего не изменится. Всё равно Сендзёгахары это не касается, это мои проблемы. Это моё бремя до конца моих дней, которое ни с кем не разделить.

— Ничто. Ну и ладно.

— ...

Какое безразличие.

— Как говаривала моя бабушка: безразличная, но хорошая, должна вырасти каприльной⁷.

— Что за каприльная?

Она заговорила.

Это как вместо православный сказать православный.

— Сейчас не об этом, — Сендзёгахара Хитаги перевела взгляд с бывшего вампира, а ныне белокожей девочки-блондинки Ошино Шинобу, на Ошино Мэмэ. — Я слышала, вы можете спасти меня.

— Спасти? Нет, — ответил Ошино своим обычным шутливым тоном. — Только ты сама можешь спасти себя, девочка.

— ...

Ого.

Сендзёгахара прищурилась.

Явно сомневается.

— До этого мне так же говорили пять человек. Все они оказались жуликами. Вы такой же, Ошино-сан?

— Ха-ха. А ты в ударе, девочка. У тебя праздник какой?

И зачем говорить так вызывающе? Это было бы эффективно против, например, Ханэкавы, но Сендзёгахара-то не такая.

Она их тех, кто всегда возвращает удар.

— Д-да ладно вам... — невольно начал примирять я их.

Я встрял между ними.

— Будешь мешаться — убью.

— ...

Вот так просто сказала про убийство.

И почему всегда я?

Она словно ядерная бомба.

У меня не хватит слов, чтоб описать её.

— Ну, неважно, — в противоположность ей беззаботно заговорил Ошино. — Если ты ничего не расскажешь, мы ничего и не начнём. В чтении мыслей я не особо хорош. Мне больше разговоры по душе. Начни со своей истории. Я твой секрет никому не расскажу, можешь не волноваться.

— ...

— А, ну. Я тогда вкратце объясню...

— Не нужно, Арараги-кун, — Сендзёгахара снова без всякого стеснения оборвала меня. — Я сама.

— Сендзёгахара...

— Я сама.

И начала.

Примечания

1. Весьма вздорная французская королева, окончила жизнь на гильотине.
2. Отсылка к манге Ningen Kyouki Katsuo.
3. Отсылка к Дораэмону. В будущем будут производиться подобные устройства для карманов.
4. Речь идёт о Dragon Ball.
5. Full house, американский телесериал в жанре ситком, транслировавшийся с 1987 по 1995 год.
6. Лёгкая пародия на «Стального алхимика», перечисления состава человеческого тела.

7. Отсылка к рекламе компании Марудай, в оригинале говорится «капризный, но хороший, должен вырасти сильным».

Двумя часами позже.

Ошино и бывший вампир Шинобу остались в развалинах вечерней школы, а я сейчас дома у Сендзёгахары.

Дом Сендзёгахары.

Тамикурасо.

Двухэтажный деревянный дом тридцатилетней давности. Несколько оцинкованных почтовых ящиков. Едва хватает места на душ и туалет. До ближайшей *автобусной остановки* минут тридцать пешком. Арендная плата от тридцати до сорока тысяч йен (включая взносы в соседские собрания, коммунальные услуги и ежемесячную плату).

От Ханэкавы я слышал совершенное иное.

Наверное, это отразилось у меня на лице, потому как Сендзёгахара объяснила, не дожидаясь вопросов:

— Моя мать вступила в какую-то секту.

Словно извиняясь.

Словно оправдываясь.

— Она не только отдала им всё, что у нас было, но и задолжала крупную сумму. Как говорится, гордыня до добра не доводит.

— Секту...

Наверняка одно из тех верований, выдуманных шарлатанами.

И всегда дело заканчивается вот так.

— В итоге к концу прошлого года у родителей дошло до развода, я осталась с отцом, и теперь мы живём здесь вдвоём. Ну как вдвоём, сам долг остался на имя отца, поэтому он работает днями и ночами, чтобы выплатить его, и дома появляется редко. Так что де-факто я живу одна, легко и беззаботно.

— ...

— В школьном журнале я зарегистрирована по старому адресу, так что, естественно, Ханэкава-сан не знает.

Эй.

Это вообще законно?

— Люди в любой момент могут стать врагами, ни в коем случае нельзя кому-то давать знать место своего проживания.

— Врагами, говоришь...

Думаю, она драматизирует, хотя человеку, хранящему секрет, с которым нельзя ни с кем поделиться, наверное, такая бдительность вполне нормальна.

— Сендзёгахара. Твоя мама вступила в секту... это из-за тебя?

— Отвратный вопрос, — рассмеялась Сендзёгахара. — Да кто знает. Точно не я. Может быть.

Отвратный ответ.

Какой вопрос, такой ответ.

Одно лишь воспоминание этого вопроса ввергает меня в пучины самобичевания. Я не должен спрашивать такое, и Сендзёгахара имела полное право разругать меня всем своим богатым запасом злословия.

Семья, которая живёт вместе, не могла не заметить исчезновение веса дочери, тем более, мать. Это не школа, где все сидят в стройных рядах отдельных парт. Если с вашей единственной любимой дочерью случится какая-то невообразимая странность, то вы, естественно, это заметите. А когда после каждодневных осмотров даже врачи опускают руки, то заглянув в своё сердце, вы вряд ли стали бы укорять её мать.

Хотя укорять можно и нужно.

Но уж не мне.

Не мне говорить, будто я всё знаю и понимаю.

В любом случае.

В любом случае, я у Сендзёгахары дома, в Тамикурасо, в комнате двести один, сижу на дзабутоне и от нечего делать пялюсь на чай, налитый в чашку, стоящую на чайном столике.

От неё я ожидал что-то вроде: «на улице подождёшь», но она без раздумий пригласила меня к себе. Даже чаю налила. Я поражён.

— А теперь будем тебя мучить.

— Э-э?..

— Но нет. Располагайся.

— ...

— Нет, всё-таки, наверное, помучить...

— «Располагайся» лучший выбор, и ничего больше! Не каждый может сам исправить свою ошибку, так держать, Сендзёгахара-сан!

Ну, примерно только вот такой разговор между нами и состоялся, а сейчас я в растерянности. Сидеть дома у едва знакомой девушки, как ни скажи, довольно неловко.

Так что я пялюсь на чай.

Сейчас Сендзёгахара принимает душ.

Омывает тело, очищает.

Ошино сказал омыть тело холодной водой и сменить одежду на чистую, необязательно новую, и вот.

Короче говоря, я проводил её. Ну, для удобства мы выехали от развалин, в которых живёт Ошино, на моём велосипеде, к тому же, получили кучу разных предписаний вслед.

Я оглядел безыскусную комнату на шесть татами — не особо-то она и походит на жилище девушки-подростка — и откинулся на небольшой комод, стоящий сзади...

Мне вспомнились недавние слова Ошино.

Дело Сендзёгахары, ну это не особо длинная история, и, когда она рассказала всё по порядку, Ошино кивнул и, какое-то время поглядев в потолок, вдруг задумчиво проговорил:

— Краб тяжести.

— Краб тяжести? — переспросила Сендзёгахара.

— Легенда гор острова Кюсю. Где-то говорят Краб тяжести, где-то Весовой краб, где-то Краб бремени, а где-то Бог бремени. Здесь краб и бог одинаково подходят. Говорят о нём разное, но в одном сходятся: из-за него люди теряют свою *тяжесть*. Встретившись с ним... нет, встретившись с ним неправильно, человек истончается, да, как-то так.

— Истончается...

Эфемерная.

Очень... эфемерная.

Но при этом не теряет красоты.

— В особо опасных случаях доходит до полного исчезновения. Если углубиться в имя, то можно дойти до Камня бремени, но это уже совсем другая история. Там камень, а здесь краб.

— Краб... Так это реально краб?

— Ну ты и дурень, Арараги-кун. Речь идёт о горах Оита и Миядзаки, откуда там взяться крабам? Это просто сказки, — искренне изумился Ошино. — Обычные пересказы всяких выдумок. Скопление людских слухов и заблуждений.

— Так это японский краб?

— А ты думал о американских лангустах, Арараги-кун? Похоже, кто-то не помнит родных сказок. «Обезьяна и краб»¹, например. Конечно, и в России есть известные странности с крабами, и в Китае их достаточно, но всё-таки не стоит принижать Японию.

— А, вот как. Обезьяна и краб. Что-то такое припоминаю. Но каким боком тут Миядзаки?

— А на кого напал вампир прямо посреди японской глуши? Для таких дел имеет значение не место. Это происходит, если позволяют *обстоятельства*, только так. Хотя, конечно, климат и географические особенности тоже важны, — прибавил Ошино. — Вообще необязательно должен быть краб. Кто-то рассказывает о кролике, кто-то — о красивой девушке, хоть и не такой как Шинобу-тян.

— Хм-м... Прямо как пятна на Луне.

Кстати, что за Шинобу-тян?

Мне даже немного жаль её.

Легендарный вампир...

Так печально.

— Ну раз девочка повстречала краба, пусть будет краб. Довольно частая форма.

— Но что это за такое? — нетерпеливо спросила Сендзёгахара. — Какая разница, как называется...

— А вот и нет. Имя важно, понимаешь ли. Как я недавно поведал Арараги-куну, в горах Кюсю крабов нет. Хотя может севернее и водятся какие-то, но на Кюсю они всё равно довольно редки.

— Там же водятся пресноводные крабы.

— Может быть. Но суть не в этом.

— И в чём же?

— Это не краб, но и сам по себе не бог. Думается, в Краба тяжести он перешёл из Бога веса... но это лишь лично моя теория. Обычно, Бог это лишь приложение к основному Крабу. Если обдумать всё прямо, то, скорее всего, придём к выводу, что они появились как минимум одновременно.

— Обычно, никто ничего не знает точно о таких чудящах.

— Не обязательно знать. В любом случае... — проговорил Ошино. — *Ты с ним встретилаь.*

— ...

— *И он до сих пор здесь.*

— Вы... *что-то видите?*

— *Не вижу. Я — ничего,* — засмеялся Ошино.

Этот слишком звонкий смех ещё больше задел Сендзёгахару.

Впрочем, я согласен. Ни на что, кроме издевательства, это не похоже.

— Тогда как вы можете утверждать, если не видите?

— Чегой? Сама суть подобных чудилищ в том, что человек их не видит. Никто их не видит и не ощущает. Это нормально.

— Нормально... Но всё равно...

— У привидений нет ног, у вампиров отражения, но сама проблема не в этом, сама суть подобных *сущностей* в том, что их нельзя как-то идентифицировать. Но, девочка. Невидимые и неосязаемые *сущности*, можно ли считать, что они действительно существуют?

— Действительно существуют?.. Но вы же сами только что сказали...

— Сказал? Но с научной точки зрения разве нечто невидимое и неосязаемое это не всё равно, что несуществующее? А коль так, то разницы между есть и нет совершенно никакой, — заключил Ошино.

Сендзёгахара выглядела не особо согласной.

Ну конечно, это не та теория, с которой можно согласиться.

В её-то положении.

— Ну, девочка, у тебя довольно удачная неудача. Вот Арараги-кун, на него напали без всяких встреч. Причём вампир. Что может быть позорнее для современного человека.

Забудь об этом.

Забудь навсегда.

— По сравнению с этим твоё положение вообще отличное.

— Почему?

— Боги, они повсюду. Одновременно везде и нигде. *Они* окружали тебя *и до этого...* а можно сказать, что их никогда и не было.

— Это уже дзен какой-то.

— Синтоизм. Сюгэндо², если хочешь знать, — ответил Ошино. — Не пойми неправильно, девочка. *Это* произошло не из-за *чьих-то* действий, всего лишь изменилось твоё видение.

Так было с самого начала.

Почти так же сказали опустившие руки врачи.

— Видение? Что... О чём вы?

— Не разыгрывай из себя жертву, девочка, — резко выдал Ошино.

Со мной было так же.

И с Ханэкавой.

Я даже заволновался, как Сендзёгахара отреагирует на это... но она ничего не ответила.

Похоже, приняла это.

— Хех, — Ошино остался доволен. — Отлично. Теперь я вижу, что ты не обычная эгоистка.

— Почему... вы так думали?

— Обычно все встретившие Краба тяжести *такие*. С этим нельзя встретиться, пытаюсь встретиться, это не какой-то вредный бог. С вампирами всё по-другому.

Не вредный?

Невредный... значит, не нападает?

— Они не овладевают человеком. Лишь находятся рядом. Покуда ты чего-то не захочешь, ничего и не произойдёт. Мне вот совсем не хочется лезть так глубоко. Не сказал бы, что так уж жажду тебе помочь, девочка.

— ...

Спасёшь себя сам — только так.

Ошино в своём стиле.

— Интересно, ты слышала её? Одна старая иностранная сказка. Жил да был один молодой человек. Хороший юноша. И повстречал он однажды в городе странного старика. Старик предложил юноше продать тень.

— Тень?

— Да. Солнце создавало тень у его ног. Старик предложил десять золотых монет. И юноша без колебаний продал. За десять золотых монет.

— И?..

— А что бы сделала ты?

— Не знаю, зависит от ситуации. Может, продала бы, а может и нет. Зависит от цены.

— Правильный ответ. Вообще, вопрос «что важнее: деньги или жизнь?» сам по себе довольно странный. Если говорить о деньгах, то одна йена и триллион йен имеют разную ценность, но разве ценность жизни разных людей одинакова? «Равенство жизней», всегда раздражала такая вульгарщина. Ну, всё равно, этот юноша посчитал десять золотых монет ценнее своей тени. Что же в этом такого? Какие могут быть проблемы от отсутствия тени? Никаких неудобств не должно возникнуть, — жестикулируя, Ошино продолжал историю. — Но что в итоге? И семья юноши, и жители его родного города отвернулись от него. Причина тому дисгармония. *Отсутствие тени это жутко*. И правда жутко. Тень сама по себе жуткая, но её отсутствие ещё хуже. Нет того, что должно быть... В общем, этот молодой человек продал за десять золотых то, что у него *должно быть*.

— ...

— Юноша отправился на поиски того таинственного старика, чтобы вернуть свою тень, но сколько бы не искал, так и не смог его найти. Вот и всё.

— Это... — выражение лица Сендзёгахары нисколько не изменилось. — Это вообще к чему?

— Ну, собственно, ни к чему. Но разве не напоминает чем-то твою историю, девочка? Ты потеряла вес, он продал тень.

— Я ничего не продавала.

— Да. Не продавала. Это бартер. Хотя потеря веса, наверное, неудобней потери тени — тем не менее всё такая же дисгармония с окружением. Но лишь так.

— Что это значит?

— Только то, что значит, — на этом Ошино закончил свою речь и хлопнул в ладоши. — Ладно. Ясененько. Если хочешь вернуть вес, я помогу. Как и сказал Арараги-кун.

— Так вы спасёте меня?

— Не спасу. Лишь помогу, — Ошино поглядел на наручные часы на левой руке. — Солнце ещё не село, возвращайтесь пока домой. Омоешь тело холодной водой и сменишь одежду на чистую? А я пока здесь всё подготовлю. Ты одноклассница Арараги-куна и наверняка серьёзная ученица, сможешь выйти из дома ночью?

— Без проблем, если потребуется.

— Тогда встретимся здесь около полуночи.

— Понятно, но... чистая одежда?

— Необязательно новая. Форма тоже не подойдёт. То, что ты носишь каждый день.

— А вознаграждение?

— А?

— Не валяйте дурака. Это ведь не за просто так?

— Хм, хм-м.

Ошино поглядел на меня.

Словно прицениваясь.

— Ну, если тебе от этого станет легче, то скажу. Ладно, пусть будет сто тысяч йен.

— Сто тысяч... — повторила сумму Сендзёгахара.

— Сто тысяч йен?

— Поработаешь пару месяцев в какой-нибудь забегаловке. Думаю, всё разумно.

— А со мной было совсем по-другому...

— Правда? Но со Старосты-тян я тоже взял сто тысяч.

— А с меня пять миллионов содрал!

— То был вампир. Что поделать.

— Не надо во всём винить вампиров! Бесит эта мода скидывать всё на других!

— Готова заплатить? — спросил Ошино Сендзёгахару, в то время как я неосознанно влез в их беседу.

— Конечно, — ответила Сендзёгахара. — Всё, что потребуется.

И теперь...

Теперь, двумя часами позднее.

Я у Сендзёгахары дома.

Ещё раз огляделся.

Сто тысяч деньги хоть и немаленькие, но вполне разумные, однако, если судить по этой комнате в шесть татами, Сендзёгахаре вряд ли посильна такая сумма.

Ничего кроме небольшого книжного шкафа, чайного столика и комода. Обычно Сендзёгахара только и делает, что читает, но здесь как-то не особо много книг, должно быть, берёт их в библиотеках и букинистах.

Прямо как в старые времена бедных студентов.

Нет, Сендзёгахара и есть бедный студент.

В школе она получает стипендию.

Ошино сказал, что у Сендзёгахары положение получше моего, но что-то мне так не кажется.

Конечно, угроза жизни и проблемы окружающим от нападения вампира это не шутки. Часто мелькали мысли, что лучше уж умереть, и до сих пор пробирает от воспоминаний.

Так что.

Наверное, неудача Сендзёгахары всё-таки удачней. Но если задуматься о том, что рассказала Ханэкава о жизни Сендзёгахары в средней школе, и сопоставить с нынешним, то придёшь к выводу, что всё не так уж радужно.

По крайней мере, даже в сравнение никакое не идёт.

Вдруг подумалось.

Ханэкава... Ханэкава Цубаса, как она?

Дело Ханэкавы Цубасы.

Цубаса, девушка с поражающими воображение перьями.

На меня напал демон, Сендзёгахара повстречала краба, а Ханэкавой овладела кошка. Всё на Золотой неделе. Иногда мне кажется, что всё это кончилось давным-давно, но на самом деле это произошло лишь несколько дней назад.

Хотя, Ханэкава почти ничего не помнит о событиях Золотой недели. Сама она знает лишь то, что Ошино что-то сделал, за что она должна быть ему благодарна, и, похоже, ничего, кроме этого, но я-то всё помню.

Всё равно история неприятная.

Никогда бы и не вообразил, что кошка может быть страшнее демона. И даже после нападения вампира думаю так.

Всё-таки если смотреть со стороны опасности для жизни, то положение Ханэкавы было опаснее Сендзёгахары, однако Сендзёгахара уже бог знает сколько находится в таком состоянии.

Учитывая нынешнее состояние.

Если так подумать.

Что вообще должно произойти в жизни, чтобы доброту принимать как попытку к нападению?

Молодой человек, продавший тень.

Она, потерявшая вес.

Не знаю.

И вряд ли когда-нибудь узнаю.

— С душем всё.

Из ванной вышла Сендзёгахара.

В чём мать родила.

— Гх-х!

— Дай пройти. Я не могу взять одежду, — спокойно указала Сендзёгахара на комод, который я заслонил.

— Оденься же!

— Так прямо сейчас и оденусь.

— Почему сейчас?!

— Хочешь, чтобы я не одевалась?

— Надо было там одеться!

— Я забыла взять одежду.

— А прикрыться полотенцем не могла?!

— Фи, так только бедняки делают, — открыто заявила она с невозмутимым лицом.

Очевидно, спорить бесполезно, потому я отполз от комода к книжному шкафу и сконцентрировал своё внимание на нём, словно стараясь пересчитать количество книг на полках.

У-у-у.

Я впервые увидел обнажённую женщину...

Н-но я ожидал совсем другого и, хоть я и не намеревался строить по этому поводу каких-то иллюзий, но чего я желал, о чём мечтал, разбилось о скалы такого безыскусного нудизма...

— Чистая одежда, значит. Как думаешь, белая лучше подойдёт?

— Понятия не имею...

— Но у меня всё бельё с рисуночками.

— Да не знаю я!

— Я просто спрашиваю совета, чего ты так кричишь? Непонятно. У тебя случаем нет расстройства в менопаузе?

Звук выдвинутого ящика.

Шорох одежды.

О нет.

Никак не могу отвлечься от этого.

— Арараги-кун. Надеюсь, тебя не охватили похотливые желания от того, что ты увидел меня голой.

— Даже если так, я не виноват!

— Только попробуй коснуться меня. Я тут же откушу тебе язык.

— Жуть, как жестоко!

— То, что я откушу твой язык?

— Так ты серьёзно?!

Что за дела.

Она совсем не хочет понимать моё положение, какая несправедливость.

Человеку не понять человека.

Хотя, это обычное дело.

— Всё. Поворачивайся.

— Ладно, чёрт...

Я развернулся от книжного шкафа к Сендзёгахаре.

Она была в нижнем белье.

Даже чулок не надела.

Да ещё и приняла соблазнительную позу.

— Ты чего добиваешься?!

— Как чего. Это моя благодарность за твою помощь сегодня, поралуйся.

— ...

Это она благодарит так?

Странный выбор.

Чем благодарить, лучше бы извинилась.

— А ну радуйся!

— Ты ещё и злишься?!

— Было бы вежливо поделиться своим впечатлением!

— В-впечатлением...

Вежливо?

Что вообще говорить?

Э-э-эм.

— У-у тебя хорошая фигура?..

— Ты жалок... — выдала она, глядя на меня словно на кучу разлагающегося мусора.

Нет, скорее с примесью жалости.

— Потому-то ты и останешься на всю жизнь девственником.

— На всю жизнь?! Ты из будущего явилась?!

— Можешь не брызгать слюной? Девственностью заразишь.

— Как я заражу девушку девственностью?!

Да даже парня.

— Секунду, с чего ты вообще решила, что я девственник?!

— Потому что это так. С тобой даже младшеклассницы встречаться не станут.

— Парочка возражений! Во-первых, я не лоликонщик, во-вторых, если хорошенько поискать, то обязательно найдётся несколько таких младшеклассниц!

— Если первое истинно, то второго уже не может быть.

— ...

Да сдались они мне.

— Но всё же это было предвзятое мнение.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

— Не брызгай слюной. Заразишь сексом с проститутками.

— Ладно, признаюсь, я девственник! — выдал я признание полное постыдной правды.

Сендзёгахара удовлетворённо кивнула.

— С самого начала так и нужно было. Эта удача всей оставшейся тебе жизни, так что нечего кричать.

— Ты бог смерти, что ли?..

Можно ли считать обнажённую девушку контрактом?

О, эти глаза бога смерти³.

— Не волнуйся.

С этими словами Сендзёгахара вытащила из ящика белую блузку и надела поверх голубого бюстгальтера. Было бы смешно снова вернуться к пересчёту книг, так что я просто глядел на Сендзёгахару.

— Я не расскажу Ханэкаве-сан.

— Ханэкаве?

— Да, ты ведь сохнешь по ней?

— Да нет.

— Вот оно как. Вы так хорошо общаетесь, и я думала, что так и есть, потому и задала провокационный вопрос.

— В обычной жизни люди не задают провокационных вопросов.

— Ты слишком шумный. Хочешь, чтобы я тебя наказала?

— Это не в твоей власти.

Похоже, Сендзёгахара всё-таки следит за происходящим в классе. Хотя не удивлюсь, если она даже не знает, что я помощник старосты. Ну, мы можем однажды стать врагами, наверное, поэтому решила разузнать побольше.

— Ну прямо хорошо общаемся, скорее, она сама говорит что-то мне.

— Знай своё место. Хочешь сказать, это Ханэкава-сан по тебе сохнет?

— Совсем нет, — выдавил я. — Просто Ханэкава очень заботливая. Даже слишком. Она с чего-то решила, что самый никчёмный это самый несчастный. И из-за этого думает, что этот никчёмный нуждается в помощи.

— Действительно забавное недоразумение, — согласилась Сендзёгахара. — Ведь самый никчёмный это самый тупой.

— Ну, этого я не говорил.

— Это написано у тебя на лице.

— Ничего там не написано!

— Да так и написано.

— Да как это возможно?!

Вообще...

Мне не особо-то и нужно объяснять, Сендзёгахара и так должна хорошо понимать характер Ханэкавы. Судя по нашей беседе после уроков с Ханэкавой, она беспокоится и о Сендзёгахаре.

И, наверное, поэтому...

— Так Ханэкава-сан в долгу у Ошино-сана?

— Мгм. Типа того.

Сендзёгахара закончила застёгивать пуговицы на блузке и накинула сверху белый кардиган. Похоже, она решила сначала покончить с верхом, а не с низом. Ясно, думаю, у каждого

человека свой порядок в одевании. Сендзёгахару совершенно не беспокоит, что я всё вижу, скорее даже наоборот повернулась ко мне лицом, продолжая переодеваться.

— Хм-м.

— Так что... ему более-менее можно доверять. Конечно, он человек настроения, легкомысленный, оптимист, любит пошутить, но дело своё он знает. Это не только моё впечатление, уверен, Ханэкава думает так же.

— Хорошо. Но, знаешь, Арараги-кун, — проговорила Сендзёгахара. — Прости, но я пока не могу полностью доверять Ошино-сану. До этого моё доверие снова и снова продолжали предавать.

— ...

Пять человек говорили так же.

Все оказались жуликами.

И.

Наверное, это ещё не всё.

— Даже в больницы я теперь хожу лишь по инерции. Если честно, я уже практически отчаялась выздороветь.

— Отчаялась...

Чего-то отчаяться...

Что-то бросить.

— Ну в этом загадочном мире ни Муген Мамии, ни Кудан Кукико⁴ нет.

— ...

— Хотя, может, не обошлось без Тогэ Мироку⁵, — ссарказмировала Сендзёгахара. — Так что, Арараги-кун. Я не настолько оптимистична, чтобы думать, что *случайно* подскользнулась на лестнице, меня *случайно* поймал одноклассник, на которого *случайно* на весенних каникулах напал вампир и которому *случайно* помог человек, который *случайно* как-то связан со старостой класса, и причём *случайно* этот одноклассник хочет помочь мне.

Сказанула...

Сендзёгахара начала расстёгивать кардиган.

— Ты же только что надела, зачем снимать?

— Забыла высушить волосы.

— Ну не дура ли?

— Можно без грубостей? Я страшна, если меня задеть.

Фен довольно дорогой.

Похоже, ей всё-таки не всё равно, как она выглядит.

Если так посмотреть, то исподнее Сендзёгахары довольно-таки стильное, однако этот чарующий объект моих вожделений, господствующий над всей моей жизнью, сейчас виделся мне лишь обычными кусочками ткани. Похоже, у меня появилась ужасная психологическая травма.

— Оптимистична, говоришь...

— Не так?

— Может быть. Но разве это не хорошо? — сказал я. — Быть оптимистичной.

— ...

— В этом нет ничего плохого, при таком раскладе не возникнет подлостей, так что, думаю, это определённо хорошо. Как сейчас.

— Как сейчас? — Сендзёгахара мельком глянула на меня.

Всем своим видом она выражала непонимание.

— Нет... плохого?

— Думаешь иначе?

— Ну, так-то верно. — Однако после Сендзёгахара добавила:

— Но. — И продолжила: — Но подлости всё равно могут быть.

— Э?

— Не забивай голову.

Сендзёгахара высушила волосы, выключила фен и снова начала одеваться. Намокшие из-за мокрых волос блузку и кардиган она повесила сушиться на вешалку и начала рыться в ящиках в поисках другой одежды.

— Если бы я сейчас переродилась, — сказала Сендзёгахара. — Я хотела бы стать сержантом Куруру⁶.

— ...

Ни с того ни с сего, словно продолжает незаконченный диалог.

— Знаю, что ты хочешь сказать. Наверное, я уже слишком привыкла высказываться ни с того ни с сего.

— Ну, почти так.

— Так и знала.

— Но странно, что ты, по крайней мере, не сказала ефрейтором Дороро.

— «Переключатель ран»⁷ слишком нереалистичен для меня.

— Ух... Но знаешь.

— Ни «но», ни «ну» не знаешь.

— Чего это...

Я уж не знаю, что и думать.

И не понимаю, что она этим хотела сказать.

Пока я раздумывал, Сендзёгахара сменила тему:

— Эй, Арараги-кун. Можно спросить? Один пустяковый вопрос.

— Чего?

— «Как пятна на Луне», к чему это?

— Э? Ты о чём?

— Ты ведь так сказал. Ошино-сану.

— Э-эм...

А.

Точно, вспомнил.

— Ну, помнишь, Ошино сказал, что в крабе кто-то видит кролика, кто-то красивую девушку. Тут так же. В Японии в пятнах на Луне видят кролика, пекущего рисовый пирог, а за границей видят краба или профиль девушки.

Ну, не то, чтобы я действительно видел такое, но так и вправду говорят. Услышав это, Сендзёгахара похвалила:

— Ты знаешь столько бесполезного. Впервые я впечатлена тобой.

«Бесполезного».

«Впервые».

Да, есть чем гордиться.

— Я просто хорошо знаю астрономию и космологию. Раньше сильно увлекался.

— Не выпендривайся. Я всё понимаю. Ты ведь, кроме этого, ничего и не знаешь?

— Это какое-то словесное насилие.

— Тогда вызывай словесную полицию.

— ...

Думаю, тут и настоящая полиция не справится.

— Не знаю я ничего. Ну вот, например, в Японии в лунных пятнах видят кролика, знаешь почему именно кролик на Луне?

— На Луне нет никаких кроликов. Арагаки-кун, ты старшеклассник и веришь в такое?

— Но ведь видят.

Видят же?

Точно?

Что-то не то...

— Рассказывают, что давным-давно, жил бог, а может и будда, в принципе неважно, в общем, был бог, и один кролик по своей воле прыгнул в огонь в жертву этому богу. Бога так тронуло самопожертвование кролика, что он установил его образ на Луну, чтобы этого кролика никогда не забыли.

Я видел это лишь в детстве по телевизору, и рассказ получился расплывчатым и слабоватым, но примерно-верно было так.

— Какой жестокий бог. Выставил бедного кролика на всеобщее посмешище.

— История не об этом.

— Кролик тоже хорош. Как день видно его намерение подлизаться к богу этим самопожертвованием, как низко.

— История совсем не о том.

— Ладно, всё равно непонятная какая-то история, — сказала она.

И снова начала снимать только что одетый жакет.

— На самом деле ты просто красуешься передо мной своим шикарным телом?..

— У меня нет столько самомнения для шикарного тела. Я просто надела его наизнанку, да и задом наперёд.

— Ловко увернулась.

— Но одеваться это очень тяжело.

— Ты прям ребёнок.

— Нет. Одежда тяжёлая.

— А.

Как беспечно.

Блин, если сумка для неё тяжёлая, то и одежда тоже.

При десятикратном весе и одежда будет довольно ощутимой.

Стыдно.

Совсем забылся и выдал такое.

— Всё никак не могу привыкнуть... А ты неожиданно образованный, Арараги-кун. Удивлена. Возможно, в твоей головшке даже мозги есть.

— Ну естественно.

— Естественно... Подумать только в черепашке такого существа как ты появились мозги, о боги, это, должно быть, чудо?

— Не могла бы ты обойтись без этого?

— Не беспокойся. Я говорю лишь очевидное.

— В этой комнате кое-кому лучше бы умереть...

— М? Ты про Хосина-сэнсэй?

— Ты же сейчас сказала, что нашему классному руководителю, жизнь которого мы должны уважать, лучше бы умереть!

— Краб тоже?

— Э?

— Краб, как и кролик, прыгнул в огонь?

— А-а-а... Нет, я не знаю историю про краба. Но какая-то причина наверняка есть. Я раньше об этом не задумывался, но... может, из-за морей на Луне?

— На Луне нет морей. Сморозил такое с гордым видом.

— Э? Нет? Были же...

— Поражена твоими познаниями в астрономии. Это только название такое.

— Вот оно как...

Э-эх.

Всё-таки мне не сравниться с по-настоящему умными людьми.

— Ой-ой, проявил-таки свою истинную натуру, Арараги-кун. А я ведь и вправду имела неосторожность понадеяться на какие-то знания у тебя.

— Так ты думаешь, что я идиот?

— Как ты догадался?!

— Удивилась с таким серьёзным видом!

Похоже, она собиралась скрыть это.

Определённо.

— Из-за меня Арараги-кун узнал, какой он пустоголовый.... Я чувствую ответственность.

— Эй, секунду, со мной настолько всё плохо?

— Расслабься. Я не сужу людей по оценкам.

— Да ты уже поиздевалась надо мной!

— Не брызгай слюной. Безграмотностью заразишь.

— Мы же из одной школы!

— А как насчёт подготовки?

— У...

Ну, это, конечно, так.

— Я стану магистром, а ты бросишь учиться уже в старшей школе.

— С чего бы мне на третьем классе бросать?!

— Уже вижу, как ты сам с плачем молишь, чтобы тебя немедленно выгнали.

— Постой, разве такую жуть гонят не только в манге?!

— Давай сверим средний балл. Мой семьдесят четыре.

— Блин... — выдавил я прежде чем сказать. — Сорок шесть...

— Можно округлить до нуля.

— Чего?! Неправда, там шестёрка... Стоп, ты округлила десятки, да что ты вытворяешь с моим средним баллом!

Обошла меня на тридцать баллов, а уже исхлестала до смерти!

— Я не смогу насладиться победой, пока разрыв между нами не достигнет сотни.

— Мои десятки...

Как безжалостно.

— С этого дня не приближайся ко мне ближе, чем на двадцать тысяч километров.

— Приказываешь меня с Земли изгнать?!

— Кстати, бог съел того кролика?

— Э? А, ты всё о той истории. Съел ли... история стала бы странной, если бы рассказывала об этом.

— Она и без того довольно странная.

— Куда уж мне понять, я ж пустоголовый.

— Не дуйся. Мне от этого как-то не по себе.

— Ты же сама назвала меня жалким, нет?..

— Если я пожалею тебя одного, это не остановит войны на Земле.

— Человек, который не пытается спасти и одного, не должен говорить о мире! Для начала спаси крошечную жизнь рядом! Это-то ты сможешь!

— Хм. Я всё, — сказала Сендзёгахара, наконец закончив одеваться. Она надела белую майку, белый жакет и белую юбку. — Если всё закончится хорошо, съедим краба в Хоккайдо.

— Думаю, не обязательно ехать на Хоккайдо, чтобы поесть крабов, да и сейчас, вроде бы, не сезон, но если ты уж так хочешь, то это же тебе не мешает?

— Ты тоже едешь.

— Чего?!

— О, а ты не знал? — Сендзёгахара улыбнулась. — Крабы необычайно вкусные.

Примечания

1. Японская народная сказка о коварной обезьяне, убившей краба, и о возмездии за содеянное.
2. Японское синкретическое учение, соединяющее буддизм, синто и даосизм, связано с развитием духовного опыта и силы, делает упор на аскетизм и гармонию между человеком и природой.
3. Отсылка к «Death Note».
4. Отсылка к манге «Mugen shinshi» за авторством Такахаси Ёсукэ, Тогэ Мироку оттуда же.
5. Нежный мальчик с весьма страшным лицом.
6. Отсылка к манге и аниме «Keroro Gunsou».
7. Снова отсылка к «Keroro Gunsou», способность Дороро.

Этот район располагается на самой окраине города.

Пришла ночь, на улицы опустился мрак. Просто непроглядная тьма. Как снаружи заброшенного здания, так и внутри, практически ничего не различить, разительный перепад от нашего дневного посещения.

Я живу в этом городе с самого рождения, и мне это не кажется чем-то странным или загадочным, но именно такое, что на первый взгляд кажется естественным, по словам скитальца-Ошино, и есть тот перепад, который, как правило, и зиждется в корнях многих проблем.

И эти корни довольно легко дают о себе знать...

Так он говорит.

Ладно.

Уж полночь близится.

Сендзёгахара и я вернулись к развалинам вечерней школы на велосипеде. На заднее сиденье она примостила дзабутон из дома вместо сидушки.

Мы ничего не ели, и были довольно голодны.

Я оставил велосипед там же, где и вечером, и мы вошли в ту же дыру в сеточном ограждении. Ошино уже ждал нас.

Такое чувство, будто он всё время был здесь.

— Э... — удивилась его одежам Сендзёгахара.

Ошино окутывала белоснежная ритуальная роба. Он даже гладко причесал свою буйную шевелюру, и его теперь совсем не узнать, как минимум, стал куда аккуратней выглядеть.

Приобуть, приодеть, так и есть на что глядеть, как говорится.

Но почему-то от *такого* вида мне наоборот не по себе.

— Ошино-сан... вы синтоистский священник?

— Да? С чего бы? — тут же заотрицал Ошино. — Я не жрец и не настоятель. Я изучал это в университете, но в синтоистском храме никогда не работал. Слишком привержен своему мнению.

— Привержен своему мнению?..

— По личным причинам. Думаю, всё это просто чушь. Так что эти одежды лишь одежда. Просто другой чистой у меня нет. Для встречи с богом, не только девочка, но и я должен соответствовать моменту. А я не говорил? Должна быть соответствующая атмосфера. С Арараги-куном, например, я сражался святой водой с перевязкой чеснока и крестом. Обстановка это важно. Так что всё в порядке, ну, хоть мои манеры не идеальны, но что делать я уж знаю. Я не собираюсь размахивать гохэем¹ и посыпать голову девочки солью.

— А-ага... — слегка оробела Сендзёгахара.

Конечно, я тоже подрастерялся, но на неё это подействовало как-то слишком сильно. С чего бы?

— Так, девочка, выглядишь приятно чистой. Шикарно. Но сначала кое-что спрошу, ты же без косметики?

— Я подумала, что лучше без неё, так что да.

— Хорошо. Ну, правильное решение. Арараги-кун, ты тоже сходил в душ?

— Ага. Без проблем.

Мне тоже пришлось омыться, чтобы присутствовать, но я утаил про попытки Сендзёгахары подглядывать за мной в душе.

— Хм-м. Что-то ты не особо-то и изменился.

— Было бы лишним.

В конце концов я же буду там лишь как сторонний наблюдатель, так что одежду как Сендзёгахаре мне менять не нужно, естественно, я не особо изменился.

— Тогда закончим с этим побыстрее. Я подготовил место на третьем этаже.

— Место?

— Ага, — сказал Ошино и исчез в темноте здания.

И несмотря на его белоснежные одежды, он тут же пропал из виду. Как и вечером, я взял Сендзёгахару за руку, и мы последовали за Ошино.

— Но, Ошино, «побыстрее», это ты несерьёзно, так-то всё в порядке?

— В каком ещё порядке? Я вытащил посреди ночи двух несовершеннолетних школьников, любой нормальный взрослый захочет закончить всё побыстрее.

— Значит, ты можешь так легко уничтожить этого краба?

— Что за кровожадность, Арараги-кун? У тебя праздник какой? — пожал плечами Ошино, даже не обернувшись. — Тут немного другая ситуация, чем с тобой и Шинобу-тян, или

Старостой-тян и той похотливой кошкой. К тому же не забывай: я пацифист. Моя философия — полнейшее ненасилие. Когда на тебя и Старосту-тян напали, пришлось побыть немного агрессивным, но сейчас-то у нас краб, и он не таков.

— Не таков...

Ну правда, если есть жертва, то разве не нужно всё рассудить небольшой агрессией?

— Я говорил? У нас встреча с богом. Они ничего не делают, они просто есть. Есть как то, что должно быть. Арараги-кун, ты же возвращаешься домой по окончанию уроков? Вот так же. Девочка сама виновата.

Не вредили, не нападали.

Не овладевали.

Думаю, жестковато говорить, что она сама виновата, но Сендзёгахара ничего на это не ответила. Может, уже приняла это, или если призадуматься, то может, просто слушает слова Ошино, не выказывая реакции.

— Так что никаких уничтожать и нападать не будет, оставь такие агрессивные мысли, Арараги-кун. Сейчас мы будем просить бога. Подобострастно.

— Просить?..

— Да. Просить.

— Если попросить, он так спокойно вернёт всё? В смысле тяжесть Сендзёгахары. Вес.

— Так сразу не скажешь, но возможно. Это ведь не прошение в храме на Новый год. Достаточно серьёзной просьбе они не станут упрямыться. Боги всегда смотрят в целом. Японским богам это особенно свойственно. Человечество для них как колония, наши личности в целом неважны. Действительно ли неважны? На самом деле пред богами мы все неотличимы, ни я, ни ты, Арараги-кун, ни девочка. Для них какого бы веса, пола или возраста не были эти три человека, все они такой же человек.

Такой же...

Не словно такой же, а такой же?

— Хм-м... это фундаментально отличается от проклятий.

— Эй, — решила Сендзёгахара. — *Этот краб...* сейчас рядом?

— Да. *Он здесь и везде.* Однако, *чтобы он снизошёл*, необходим кое-какой процесс.

Мы дошли до третьего этажа.

Подшли к классу.

По всей комнате разложены симэ². Все стулья и парты вынесены, а перед доской оборудован алтарь. С трёх сторон деревянные подносы с подношениями божеству, и, если оглядеть место с жертвой, не сказал бы, что тут всё подготовлено в спешке за один вечер. По четырём углам стоят свечи, тускло освещая класс.

— Ну, это как бы барьер. Кусочек храма, так сказать. Но не чтобы запретить тут кого-то. Девочка, не нужно так напрягаться.

— Да я... не напрягаюсь совсем.

— Так, значит. Ну, прекрасно.

И мы вошли в класс.

— Вы оба, опустите глаза и склоните головы.

— Э?

— Мы пред богом. Не забыли?

Мы втроём выстроились перед алтарём.

Со мной и Ханэкавой было совсем по-другому... меня охватило жуткое напряжение. То ли дело в такой церемонной атмосфере, хотя и сама эта атмосфера чувствовалась довольно странной.

Меня передёрнуло.

Всё тело напряжено.

Я не верующий, и, как и большинство моих сверстников, не отличу буддизма от синто, однако как-то даже инстинктивно это место произвело на меня впечатление.

Ситуация.

Место.

— Эй... Ошино.

— Чего тебе, Арараги-кун?

— Я тут подумал, такое место, ситуация, может, мне выйти? Чувствую, буду только мешаться.

— Не мешаешься ты тут. Сейчас всё хорошо, но всё может пойти и не по плану. И вот тогда ты, Арараги-кун, прикроешь девочку.

— Я?

— А для чего тебе ещё бессмертное тело?

— ...

Нет, хоть и звучит довольно резонно, но не думаю, чтобы именно прикрывать Сендзёгахару.

И вообще, я больше не бессмертен.

— Арараги-кун, — не теряя ни секунды, проговорила Сендзёгахара. — Ты ведь защитишь меня?

— Что за внезапный принцесса-стайл?!

— Да ладно тебе. Разве ты сам не думал покончить с собой сегодня-завтра?

— Весь образ испоганила!

Живые обычно о таком даже не шепчутся, а она выдала прямо в лицо! Начиная задумываться, не сотворил ли я в прошлой жизни что-то ужасное, раз получаю такое злословие.

— Конечно же, не за просто так.

— Ты мне что-то дашь?

— Хочешь материального вознаграждения? Как низко. Можно без преувеличения сказать, что эти слова раскрывают всю твою жалкую сущность.

— Тогда что ты сделаешь?

— Так-так... Я не стану распространять слухи о том, что ты пытаешься одеть Флору в одежду рабыни в Dragon Quest V.

— Слыхом о таком не слыхивал!

Да и зачем вообще распространять такие слухи.

Жестокая она.

— Хотя, что ты не можешь, и так понятно, если хорошенько подумать... Это и обезьяне будет ясно, хотя в твоём случае, наверное, и собаке.

— Секундочку! У тебя лицо, будто ты ловко шутканула, но покажи хоть одно чем я похож на собаку!

— И правда, — хихикнула Сендзёгахара. — Это было бы грубо по отношению к собакам.

— Ар!

Приплести такую клишированную, не иначе как банальную фразу... Язык у неё определённо подвешен в плане брани.

— Ну ладно тогда. Такой трус должен побыстрее вернуться домой, поджав хвост, и играть со своим шокером, как обычно.

— Что за извращенские игры!

Ты ведь совсем недавно отказалась распространять про меня всякие грязные слухи.

— Такому ничтожному существу, как ты, ничего не скрыть от моего надсмотрительного ока.

— Откуда ж в твоих словах столько жути?! У тебя хоть что-то святое осталось?!

Какая-то она совершенно непостижимая.

Кстати, правильнее было бы всевидящего.

— Да, Ошино. Почему вместо меня нельзя использовать вам... Шинобу? Как тогда с Ханэкавой.

— Шинобу-тян ушла баиньки, — честно ответил Ошино.

— ...

Вампир, спящий по ночам...

Правда печально.

Ошино взял священного сакэ с подноса с подношениями и передал Сендзёгахаре.

— Э... Что это?

Сендзёгахара выглядела озадаченной.

— Алкоголь приближает к богам... Вот. Ну и поможет немного расслабиться.

— Я несовершеннолетняя...

— А напиваться и не нужно. Только глоток.

— ...

После некоторого колебания, Сендзёгахара в конце концов отпила и проглотила. Убедившись в этом, Ошино принял обратно чашечку и вернул её на место.

— Ладушки. Тогда для начала попытаемся расслабиться.

По-прежнему перед алтарём...

По-прежнему не поворачиваясь к Сендзёгахаре Ошино заговорил:

— Попытайся начать с расслабления. Это важно. Когда создашь своё место, всё станет неважным... это заключительный подход, девочка.

— Подход...

— Расслабься. Попробуй так не напрягаться. Это твоё место. Ты часть этого места. Не поднимай головы и закрой глаза, начни считать. Одни, два, три...

Вообще-то...

Мне не нужно делать это, но я невольно вместе с ними закрыл глаза и начал считать. А затем до меня дошло.

Создание атмосферы.

Не только одежда Ошино, но и эти симэ, и алтарь, и возвращение домой для омовения, всё это создавало атмосферу — можно сказать, доводило разум Сендзгахары до нужной кондиции.

Чем-то близко к внушению.

Гипнотическому внушению.

Сначала очистить её самосознание, снять насторожённость, а затем попробовать создать взаимное доверие — это же, но с совершенно другим подходом, было нужно и со мной, и с Ханэкавой. Спасутся лишь верящие, другими словами Сендзёгахаре необходимо сначала *признать* Ошино.

Она ведь сама сказала:

«Не могу полностью доверять Ошино-сану».

Но это недопустимо.

Этого недостаточно.

Потому что взаимное доверие важно.

Ошино не может спасти Сендзёгахару, лишь она сама спасёт себя — вот истинный смысл этих слов.

Я тайком открыл глаза.

Огляделся.

Свечи.

По углам колыхалось пламя свечей.

Ветер из окна.

Немудрено и затухнуть... ненадёжный огонь.

Но они продолжали гореть.

— Расслабилась?

— Да...

— Ладно... тогда, отвечай на вопросы. Я задаю вопрос, ты отвечаешь. Девочка, как тебя зовут?

— Сендзёгахара Хитаги.

— Где ты учишься?

— Частная старшая школа Наоэцу.

— День рождения?

— Седьмого июля.

Эти скорее бессмысленные, чем бессодержательные вопросы и ответы всё продолжались.

Равнодушно.

В неизменном темпе.

Ошино по-прежнему не поворачивался к Сендзёгахаре.

Сендзёгахара стояла с закрытыми глазами и опущенной головой.

Голова опущена как в храме.

Такая тишина, что слышны наше дыхание и стук сердец.

— Любимый писатель?

— Юмэно Кюсаку³.

— Расскажешь ошибку детства?

— Не хочу.

— Любимый композитор?

— Не люблю музыку.

— Что ты подумала, когда закончила начальную школу?

— Думала лишь, что просто перехожу в среднюю. Из одной группы в другую.

— Кто был твоей первой любовью?

— Не хочу отвечать.

— За всю твою жизнь... — тон голоса Ошино изменился. — Самое болезненное воспоминание?

— ...

Сендзёгахара мешкала с ответом.

Не хотела отвечать, но всё равно молчала.

Думается мне, Ошино затевал всё ради именно этого вопроса.

— В чём дело? Самое болезненное воспоминание. Я спрашиваю о твоём прошлом.

— М...

Сама атмосфера не позволяла ей хранить молчание.

Она не могла отказаться.

Это состояние.

Сформированное местом.

Процесс должен продолжаться.

— Моя мать...

— Твоя мать.

— Вступила в ужасную секту.

Вступила в мошенническую новую религию.

Так она рассказывала.

Пожертвовала им всё имущество, набрала долгов, пока не довела семью до полного банкротства. Даже сейчас, в разводе, её отец продолжает работать днями и ночами, чтобы выплатить тогдашние долги.

Наверное, это самое болезненное воспоминание?

Даже более чем потеря собственного веса?

Определённо.

Без сомнений это болезненней.

Но это...

Это.

— *Это ведь не всё?*

— Не всё?..

— Само по себе это не имеет особого значения. По законам Японии каждый свободен в своей вере. Нет, свобода веры — это право, признанное всеми людьми. Кому твоя мать молится, кому даёт подношения, это просто вопрос методологии.

— ...

— *Так что это ведь не всё?* — с силой заключил Ошино. — Попробуй рассказать. Что случилось.

— «Что»... М-моя мать... из-за меня вступила в эту секту... её обманули...

— Твою мать обманули мошенники-сектанты.

Дальше?

Дальше.

Сендзёгахара сильно закусила нижнюю губу.

— О-однажды в наш дом вместе с матерью пришёл глава этой секты.

— Глава. Пришёл глава и?

— Он говорил об очищении...

— Очищение? Об очищении? Говорил об очищении, а сделал?

— Он сказал это ритуал... *мне...* — с болью в голосе говорила Сендзёгахара. — И... набросился на меня...

— Набросился... избил? Или в сексуальном плане?

— В сексуальном... Да, этот мужчина меня... — с борьбой продолжала Сендзёгахара. — *...попытался меня изнасиловать.*

— Вот как... — спокойно кивнул Ошино.

Так вот откуда у Сендзёгахары...

Такое неестественно сильное чувство бдительности...

Её настороженность.

Всегда настороже и склонна к атакам.

Это всё объясняет.

Поэтому она так сильно отреагировала на белую робу Ошино.

Для не особо разбирающейся в этом Сендзёгахары что синто, что *секта* — всё едино.

— Дрянной священник...

— Если только смотреть со стороны буддизма. Существуют религии, проповедующие братоубийства. Всё относительно. Но *попытался*... значит, не смог?

— Я ударила его шиповкой по голове.

— Смело.

— У него из лба потекла кровь... Он скорчился от боли.

— И ты спаслась?

— Спаслась.

— Разве это не хорошо?

— *Но моя мать даже не собиралась мне помочь.*

Всё так же глядя в сторону.

Сендзёгахара равнодушно.

Равнодушно отвечала.

— Даже наоборот... Она отругала меня.

— И всё?

— Нет... Я ранила их лидера... и мою маму...

— Её *наказали*? — закончил Ошино за неё.

Можно было догадаться и без него, однако это произвело на Сендзёгахару впечатление.

— Да, — послушно подтвердила она.

— Её дочь ранила лидера... Неудивительно.

— Да. Поэтому всё имущество: дом, землю... вплоть до долгов, мы обанкротились. Полностью... Полностью обанкротились, тем не менее наше крушение всё продолжается. Она продолжает.

— Чем твоя мама сейчас занимается?

— Не знаю.

— Наверняка знаешь.

— Наверное, всё ещё продолжает верить.

— Продолжает.

— Не учится на ошибках... как бесстыдно.

— И тебе больно?

— Больно.

— Почему больно? Разве она теперь не посторонний человек?

— Я много думаю. Если бы я тогда... *если бы я не сопротивлялась*, то, наверное... всего это бы не случилось.

Всё бы осталось на месте.

Осталось бы.

— Думаешь?

— Да, думаю.

— Правда так думаешь?

— Думаю...

— Тогда *вот что*, девочка. *Твои мысли*, — проговорил Ошино. — *Как бы ни было тяжело*, я должна нести эту ношу. Нельзя передать её *кому-то другому*.

— Кому-то другому...

— Не опускай глаз... *Отверзни очи и гляди.*

А затем...

Ошино открыл глаза.

И Сендзёгахара вслед за ним.

Свечи по углам.

Огонь заколыхался.

И тени.

Тени трёх людей заколыхались.

Туда-сюда.

Туда... сюда.

— АААААААА! — закричала Сендзёгахара.

Она приподняла лицо лишь чуть-чуть, но глаза её едва не вылезли из орбит, её затрясло... по всему телу мгновенно выступил пот.

Она паниковала.

Сендзёгахара.

— Видишь что-то? — спросил Ошино.

— В-вижу. Как и тогда... Тот же огромный краб. Вижу краба.

— Вот как. А я вот ничего не вижу, — Ошино впервые обернулся и прямо ко мне. — Арараги-кун, что-нибудь видишь?

— Не вижу...

Вижу, но только...

Мерцание свечей.

И колыхание теней.

Такого не вижу.

Не могу заметить.

— Ничего... не вижу.

— Ну так, — Ошино повернулся к Сендзёгахаре. — Ты правда видишь краба, которого нет?

— Д-да... Чётко. Вижу. Я.

— Это не мираж?

— Не мираж... он настоящий.

— Отлично. Тогда...

Ошино проследил за взглядом Сендзёгахары.

Словно там было что-то.

Словно там что-то есть.

— Тогда разве ты не должна кое-что ему сказать?

— Должна сказать...

Тогда.

Она о чём-то задумалась...

Хотя я и не думаю, что она это намеренно сделала...

Сендзёгахара подняла голову.

Должно быть, ситуация...

Место стало слишком невыносимым.

Наверное, лишь это.

Но обстоятельства стали неважны.

Людские обстоятельства.

В этот момент Сендзёгахара полетела спиной вперёд.

Летела.

Словно у неё практически нет веса, и её ноги совершенно не касались пола, с огромной скоростью она летела от алтаря по классу, пока не *ударилась* в доску объявлений.

Ударилась...

И не падала.

Не падала.

Словно пришпиленная.

Словно распятая.

— С-сендзёгахара!

— Нет, ну правда. Я же говорил прикрывать её, Арараги-кун. Как обычно прошляпил, когда ты нужен. Твои способности не для того, чтоб ты тут истуканом стоял, — посетовал Ошино.

Но скорость была такая, что я и глазом моргнуть не успел, что тут сделать-то.

Сендзёгахару вдавливало в доску объявлений, словно гравитация сменила свой вектор.

Её тело вгрызалось в стену.

Стена пошла трещинами, посыпалась штукатурка.

Или скорее, Сендзёгахара разрушала её.

— У-у, ууу.

Не крик, но стон.

Боли.

Но я по-прежнему ничего не видел.

Не видел ничего, кроме пришпиленной к стене Сендзёгахары. Однако Сендзёгахара определённо видела.

Краба.

Огромного краба.

Краба тяжести.

— Ну, что поделать. Какой нетерпеливый бог, мы же ещё не возвели ему молитвы. Какой добродушный парень, ну правда. У тебя тоже праздник какой?

— Э-эй, Ошино.

— Знаю, план меняется. А как ещё-то, ну, место располагает. Как по мне, с самого начала к этому шло, — с вздохом сказал Ошино и решительной и твёрдой походкой приблизился к распятой Сендзёгахаре.

Беззаботно.

А затем протянул руку.

И схватил нечто у самого лица Сендзёгахары.

Тихонько потянул.

— Вот так.

Ошино резким броском дзюдо со всей силы кинул об пол схваченное *нечто*. Не раздалось звука, пыль не поднялась. Однако *это* впечаталось *так же, как Сендзёгахара, даже сильнее*. А затем в мгновение ока Ошино живо придавил *это* ногой.

Попрал бога.

Довольно грубо.

Ни веры, ни почтения, настоящая наглость.

Пацифист, не считающийся с богами.

— ...

Я видел лишь, как Ошино разыгрывает просто немыслимую одиночную пантомиму — стоит на одной ноге, искусно сохраняя равновесие, однако Сендзёгахара ясно видела *это*...

Словно перед ней открывалась сцена, достойная изумления.

Перед ней открылась сцена.

Однако в этот миг пришпиленную к стене Сендзёгахару перестало поддерживать, и она тут же рухнула на пол. Но висела она не особо высоко, да и веса у Сендзёгахары нет, так что падение оказалось не особо сильным, но оно было совершенно неожиданным, и она не успела подготовиться. Сильно ударилась ногами.

— В порядке? — обратился к Сендзёгахаре Ошино, пристально глядя себе под ногу.

Разглядывал, словно приценивался.

Щурился, словно примерялся.

— Крабы, какими бы большими они не были, хотя скорее даже, чем больше, тем достаточней лишь перевернуть их, и они готовенькие. Знаешь, когда посмотришь на животных с такими плоскими телами и сверху, и сбоку, ничего, кроме как поставить на них ногу, не приходит в голову. Эй, а ты как думаешь? — вдруг обратился он ко мне. — Можем попробовать ещё раз с самого начала, но это займёт кучу времени. Как по мне, куда быстрее просто шмяк, и раздавить его.

— Быстрее... «шмяк», как звучит-то... Но разве она не всего лишь подняла на секунду лицо? А тут такое...

— Не тут такое. Этого вполне достаточно. В конце концов проблема только в отношении, если не получилось по-хорошему, остаётся только воспользоваться агрессией. Думаю, придётся всё разрешить как с демоном и кошкой. *Коли слова не доходят, дойдут кулаки.* Чем-то близко к политике. Ну, если я его раздавлю, то исчезнет форма проблем девочки. Лишь форма, такое полулечение всё равно, что скашивать сорняки, не выдёргивая корни. Хотя мой «напроломный» метод может и сработать...

— М-может сработать...

— К тому же, Арараги-кун, — лицо Ошино исказила жутковатая ухмылка. — Я жуть как не люблю крабов.

«Трудно есть», — добавил он.

Добавил и ногой.

Надавил ногой.

— Подождите, — раздался из-за спины Ошино голос.

Не стоит и говорить, что это была Сендзёгахара.

Потирая разбитые колени, она поднялась.

— Пожалуйста, подождите, Ошино-сан.

— Подождать...

Взгляд Ошино сместился с меня на Сендзёгахару.

Его злобная ухмылка никуда не делась.

— Подождать чего, девочка?

— Я просто испугалась, — сказала Сендзёгахара. — Я смогу. Точно смогу.

— Хм-м...

Ногу он не убрал.

По-прежнему попирал.

Но и не давил.

— Пожалуйста, дайте мне попробовать, — проговорила Сендзёгахара.

Проговорила Сендзёгахара и...

Сделала то, что я никак не ожидал от неё: встала на колени и положила руки на пол напротив того *нечто*, находящегося под ногой Ошино, а затем медленно и с почтением поклонилась.

Пала ниц.

Сендзёгахара Хитаги пала ниц.

Сама, никто ей об этом не говорил.

— Простите меня... — сперва извинилась она.

— И спасибо большое, — продолжила благодарностью.

— Но уже всё хорошо. Это мои чувства, мои мысли... моя память, я должна нести их. Их нельзя терять.

А затем...

— Пожалуйста. Прошу. Пожалуйста, верните мне мой вес, — просила она, словно молясь.

— Пожалуйста, верните мне мою маму.

Нога Ошино со стуком опустилась на пол.

Конечно, не из-за того, что он раздавил.

Просто оно ушло.

Хотя, если так говорить, то скорее вернулось к прежней форме, в которой одновременно есть и нет.

Возвратилось.

— Ох..

Ошино Мэмэ стоял без движения и молчал.

Даже понимая, что всё закончилось, Сендзёгахара Хитаги не меняла своей позы, она начала плакать и завывать, Арааги Коёми стоял в стороне и смотрел.

Наверное, Сендзёгахара и правда самая настоящая цундере, подумалось мне.

Примечания

1. Деревянный жезл, украшенный двумя бумажными лентами сидэ, используются в синтоистских ритуалах.
2. Ритуальные украшения из соломенных верёвок с вплетёнными в них полосками бумаги.
3. Автор детективов в стиле авангардизма, романы: «Yume no ginga», «Dogura magura», «Shigo no Koi» и др.

Хронология.

Я неправильно уловил хронологию. Я считал, что Сендзёгахара сначала повстречала краба, потом потеряла вес, а после, её мать вступила в падшую секту. Но на самом деле сперва мать Сендзёгахары вступила в секту, и уже потом Сендзёгахара встретила краба и потеряла вес.

Ну если подумать, то можно было догадаться.

В отличие от канцелярского ножа и степлера, вероятность того, что шиповки окажутся на расстоянии вытянутой руки, не особо высока. После слова «шиповкой», я должен был догадаться, что Сендзёгахара рассказывает о времени средней школы, когда она участвовала в клубе лёгкой атлетики. В старшей она уже не ходила на физкультуру и в клубах не участвовала.

Если быть точным, мать Сендзёгахары вступила в ту мошенническую секту и обрела веру, когда Сендзёгахара училась в пятом классе начальной школы. Начальная школа, так что даже Ханэкава не знает об этом.

Если пораскинуть.

Тогда Сендзёгахара была болезненной девочкой.

Не создавала впечатление, а действительно была такой.

А однажды, как обычно бывает, она серьёзно заболела. Шанс выздороветь лишь около девяти процентов, даже врачи начали опускать руки.

Тогда...

Мать Сендзёгахары пожелала утешения.

И они воспользовались этим.

Благодаря серьёзной операции Сендзёгахаре удалось избежать смерти, и, думаю, они к этому ни коим боком, но как сказал Ошино со знающим видом: «Никто не может знать наверняка». Если бы я присмотрелся к обнажённой Сендзёгахаре у неё дома, то наверняка заметил бы шрамы от операции, всё ещё слабо виднеющиеся у неё на спине, но требовать от меня такого было бы уже слишком.

К тому же, она стояла ко мне передом, да и сперва верх одела... а я выдал, что она покрасоваться хочет...

Ну и дела.

Как бы то ни было, Сендзёгахара выжила, и её мать ещё больше укрепилась в вере этой секты.

Ведь благодаря вере её дочь спаслась.

Всё как всегда.

Типичный случай.

Однако семья ещё продолжала держаться. Я не особо разбираюсь в подобного рода сектах и культах, но, по крайней мере, в основе своей они, так сказать, не убивают, но и не дают жить своим последователям. Её отец хорошо зарабатывал, да и изначально семья Сендзёгахары — богачи, так что могли позволить это, однако с годами мать Сендзёгахары стала просто одержима.

Семья трещала по швам.

Сендзёгахара перестала ладить с матерью.

После окончания начальной школы и поступления в среднюю, она практически не говорила с ней. Так что если ещё раз взглянуть на жизнь Сендзёгахары в средней школе, то понимаешь насколько там всё искажено.

И это всё объясняет.

Сверхчеловек.

В средней школе Сендзёгахара была сверхчеловеком.

Скорее всего, она хотела показать это матери. Показать, что она и без всяких сект может быть такой.

Но они уже не ладили.

По своей природе Сендзёгахара не особо активная.

К тому же, в начальной школе часто болела.

Думаю, она заставляла себя.

Но, похоже, это давало обратный эффект.

Порочный круг.

Чем больше Сендзёгахара становилась идеальной, тем больше её мать думала, что это благодаря вере.

И этот порочный круг обратного эффекта повторялся снова и снова...

Прошёл третий год средней школы.

Это случилось, когда уже близился выпуск.

Мать Сендзёгахары обратилась в веру ради своей дочери, но её сознание настолько исказилось, что она решила пожертвовать свою дочь лидеру этой секты. Нет, даже это она наверняка сделала ради дочери.

Сендзёгахара воспротивилась.

Ранила до крови лидера шиповкой.

Как результат...

Семья распалась.

Разрушилась.

Они отняли всё.

Имущество, дом, земли... обвесили долгами.

Не убивали, но и не давали жить... и убили.

Сендзёгахара рассказала, что в прошлом году дело дошло до развода, и они стали жить в этой квартире в Тамикурасо, Сендзёгахара поступила в старшую школу, всё окончилось ещё в средней школе.

Окончилось.

И.

И когда Сендзёгахара окончила среднюю школу, но ещё не поступила в старшую, в это неопределённое время она встретила его.

Краба.

— Краб тяжести, Арараги-кун. Или другими словами, *Бог бремени*, — сказал Ошино. — Понимаешь? *Бог тяжких дум*. Даже больше дум — *оков*. Если так интерпретировать, то выходит, что потерять вес всё равно, что потерять себя, понимаешь? Когда происходит что-то ужасное, люди стараются закрыть это подальше в своей памяти, на эту тему снято множество фильмов и сериалов. Тут примерно так же. Только мысли людей забирает бог.

То есть, встретив краба.

Сендзёгахара отсекла свою мать от себя.

Перестала волноваться о том, что мать пожертвовала её лидеру секты, что мать даже не пыталась помочь ей, что мать разрушила их семью, и что если бы не сопротивлялась тогда, то такого могло и не случиться.

Перестала думать об этом.

Скинула тяжесть.

Естественно, сама.

Обманула судьбу.

Пожелала утешения.

— Бартер. Обмен, равноценный обмен. У крабов ведь всё тело прочно защищено? Ну, представить можно. У них снаружи панцирь. Этот экзоскелет хранит их. Ни один удар не пройдёт. И по-человечески их не поешь.

Похоже, он и правда не любит крабов.

Немного неожиданно, но, похоже, Ошино — неуклюжий человек.

— В кандзи «краб» входит кандзи «насекомое». А вдобавок к «насекомому», «вскрытие», вскрывающее насекомое. Какое ещё животное, живущее в воде, будет так описано? Ко всему прочему, у них ещё по две огромных клешни.

В заключение.

Сендзёгахара потеряла вес — скинула тяжесть, тяжёлые думы, сняла всю боль. Больше нет волнений — она отринула всё.

Потому что могла.

И, похоже, ей стало намного легче.

Именно этого она и хотела.

Потеря веса не стала существенной проблемой для Сендзёгахары. Но несмотря на это она, как и тот молодой человек, продавший свою тень за десять золотых, день за днём сожалела *о том, что ей стало легче.*

Но не из-за дисгармонии с окружением.

И не потому, что возникли неудобства.

Не потому, что не могла завести друзей.

Не потому, что потеряла всё.

А лишь потому, что лишилась своих мыслей.

Пять жуликов.

Те пятеро никак не связаны с верой её матери, но всё равно всем им, включая Ошино, она не могла довериться полностью и верила им даже меньше, чем наполовину, потому что

Сендзёгахара всё ещё сожалела. И то, что она по инерции всё равно продолжала ходить в больницы...

Всё не так.

С самого начала и до конца я ошибался.

Сендзёгахара, не имея веса...

Ничего не оставляла.

И ничего не отбрасывала.

— Особо плохого она не сделала. Если случается что-то ужасное, не значит, что обязательно нужно встретить это лицом к лицу. В этом нет ничего хорошего. Позорный побег, и никаких проблем. Убежать в секту и бросить свою дочь — полнейший эгоизм. Сейчас она вернула свои мысли, но ничего не изменится. Не согласен? Девочку, получившую облегчение, снова начнут беспокоить тяжкие мысли, мать это не вернёт, и разрушенную семью не воссоединит.

Ничего не изменится.

Ошино говорит без иронии и насмешки.

— Краб тяжести забрал её сущность, её мысли, её вес. Но тут не как с вампиром и похотливой кошкой — девочка *сама пожелала* этого, даже скорее *сама отдала*. Бартер, бог же всегда рядом. Можно сказать, девочка практически ничего и не теряла. И тем не менее...

Тем не менее...

Всё же...

И поэтому...

Сендзёгахара Хитаги захотела вернуть.

Пожелала вернуться.

Воспоминания о матери, потому что уже ничего не попишешь.

Свою память и свои страдания.

Наверное, мне до конца не понять подобных вещей, и я, конечно, не знаю, что случится дальше, но, как и сказал Ошино, ничего не изменится — ни мать, ни семья не вернутся, и Сендзёгахару только снова охватят тяжёлые думы воспоминаний.

Но это ничего не изменит.

— Нет, не ничего не изменит, — сказала Сендзёгахара.

Красными от слёз глазами она поглядела на меня.

— Это не было напрасно. По крайней мере, я смогла завести хорошего друга.

— Кого это? — притворился я.

— Тебя, — гордо ответила Сендзёгахара без стеснения и увиливаний. — Спасибо, Араагикун. Я очень благодарна тебе. Прости меня за всё. Может, это нагло, но, если мы продолжим нашу дружбу, я буду счастлива.

Я поражён...

Эта неожиданная атака Сендзёгахары вошла глубоко мне в сердце.

Я же обещал съездить с ней поесть крабов.

Но думаю, всё-таки стоит подождать до зимы.

Эпилог, или скорее кода.

На следующее утро, когда две моих младших сестры, Карэн и Цукихи, как обычно разбудили меня, я почувствовал жуткую тяжесть в теле. С огромным трудом поднялся, и просто встать с кровати отняло у меня уйму сил. Суставы жутко ныли, словно я подцепил лихорадку. Вчера, в отличие от моего случая и случая Ханэкавы, я ни с кем не дрался и не сражался, да и мышцы, по сути, не болят, но всё тело ноет. Спускаясь по лестнице, я чуть кубарем не скатился по ступенькам. Сознание у меня ясное, да и сейчас, вроде бы, не сезон гриппа, так что это за чёрт?

Мне в голову закралась невероятная мысль.

Перед завтраком я зашёл в ванную.

Там у нас весы.

Я встал на них.

Кстати, мой вес пятьдесят пять кило.

Стрелка весов показала сотню.

— Ё-моё!

Ясно.

Похоже, боги не особо заморачиваются с точностью.